

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кафедра РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

**ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ СЛОВА
В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ:
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.03.05 Педагогическое образование,
профиль Русский язык и литература
заочной формы обучения, группы 02031351
Тарутиной Алисы Александровны

Научный руководитель –
д.ф.н., профессор Плотникова Л.И.

БЕЛГОРОД 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава I. ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЙ АСПЕКТ В ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ.....	7
1.1. Лингвокреативность: понятие, специфика, коммуникативные стимулы	7
1.2. Словотворчество как реализация лингвокреативного потенциала языковой личности.....	14
1.3. Способы словопроизводства в современном русском языке.....	16
Выводы по I главе.....	23
Глава II. ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ СЛОВА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ.....	25
2.1. Поэтический текст и словотворчество.....	25
2.2. Современные тенденции поэтического словотворчества.....	30
2.3. Лингвокреативная деятельность читателя поэтического текста.....	39
Выводы по II главе.....	42
Глава III. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ВЫБОРА СЛОВ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ.....	44
3.1. Лингвистический эксперимент как метод изучения особенностей поэтического текста.....	44
3.2. Экспериментальное исследование индивидуально-авторских новообразований в современном поэтическом тексте.....	45
Выводы по III главе.....	57
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	60
Список литературы.....	63
Список использованных словарей.....	70
Источники фактического материала.....	71
Приложение.....	Ошибка! Закладка не определена.

ВВЕДЕНИЕ

Язык поэтического произведения – это уникальная и самобытная система. Каждое стихотворение неповторимо: поэт использует при его создании оригинальные языковые средства для реализации художественных образов. Тщательный подбор средств выразительности является одним из ключевых этапов создания поэтического произведения. Однако случается, что автору оказывается недостаточно уже устоявшихся в языке речевых единиц, и тогда он прибегает к созданию собственных индивидуально-авторских новообразований.

Исследователи подходят к изучению вопроса поэтического словотворчества с различных позиций:

- индивидуально-авторские новообразования рассматриваются с точки зрения словообразования, лексикологии, социолингвистики, стилистики, лексикографии, ономастики и психолингвистики;
- отдельные научные труды посвящены особенностям словотворчества отдельно взятых авторов;
- исследователями поднимается вопрос о языковом статусе индивидуально-авторских слов;
- специфика функционирования новообразований в художественной литературе изучается с учётом жанрово-родовой принадлежности произведений;
- исследуются проблемы восприятия и понимания авторских слов читательским кругом.

Лексические новообразования являются не только формой проявления авторской индивидуальности, но и репрезентируют парадигму функционирования языковой картины мира на отдельном этапе её развития. Исследование механизмов выбора и создания новых слов в поэтическом

произведении позволяет установить продуктивность тех или иных словообразовательных моделей, характерных для данного периода.

Изучение процесса словопроизводства индивидуально-авторских новообразований в современной поэзии, экспериментальное исследование данного процесса позволят наглядно продемонстрировать существующие законы и тенденции развития деривационной системы русского языка. Это и определяет **актуальность** настоящего исследования.

Объектом данного исследования являются индивидуально-авторские новообразования в поэтическом тексте.

Предмет исследования – механизм выбора индивидуально-авторских слов в поэтическом тексте и его экспериментальное исследование.

Цель работы состоит в экспериментальном выявлении специфики индивидуально-авторского словотворчества в поэтическом тексте.

Поставленная цель обусловила необходимость решения ряда **задач**:

1. Определить специфику словотворческого процесса с позиций лингвокреативной деятельности языковой личности.
2. Изучить традиции авторского словотворчества в отечественной художественной литературе и выявить современные тенденции данного процесса.
3. Представить лингвистический эксперимент как метод исследования процессов словопроизводства.
4. Экспериментальным путём исследовать механизмы выбора языковых средств в процессе создания поэтического текста и обобщить полученные результаты.

В качестве **теоретической базы** выступают исследования:

- *по проблемам словотворчества русского языка* (работы М.А.Бакиной, Т.А. Гридиной, Е.В. Костиной, Р.Ю. Намитоковой, Л.И. Плотниковой, Л.В. Рацибурской, Е.В. Сенько, Н.А. Фатеевой, Ю.Н. Шаталовой, Т.Ю. Щуклиной и др.);

- по изучению специфики языка поэтических произведений (работы Б.Н. Гаджимурадовой, О.А. Ежковой, Ю.М. Лотмана, А.В. Петрова, А.В. Пищальниковой, Ж.Е. Тимашовой, Т.В. Устиновой, Д.В. Халявиной и др.);

- по вопросам проведения лингвистического эксперимента (работы М.С. Зайченковой, А.А. Залевской, Е.А. Коржневой, В.Н. Левиной, Х.Е. Трика и др.).

Фактическим материалом исследования послужили индивидуально-авторские слова, извлечённые методом сплошной выборки из поэтических текстов Н. Азаровой, М. Амелина, П. Андрукович, А. Воскобойниковой, А. Еременко, А. Кинаш, Д. Кобыляцкого, О. Кныш, А. Мишина, О. Пащенко, С. Подлесного, В. Полозковой, М. Степановой, О. Фокиной, В. Черешни, Е. Шварц, Л. Ясновой и др.).

Решение поставленных задач осуществлялось с использованием следующих **методов исследования**: метода системного научного описания языковых факто; метода проективного эксперимента; приёмов сопоставления, наблюдения, обобщения, теоретической интерпретации лексического материала.

Структура и содержание исследования определены составом решаемых проблем и задач. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованной литературы, списка использованных словарей, списка источников фактического материала.

Глава I. ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЙ АСПЕКТ В ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

1.1. Лингвокреативность: понятие, специфика, коммуникативные стимулы

Один из наиболее перспективных аспектов современной лингвистики составляют вопросы языкового творчества. Несмотря на то, что идеи творческого начала в языке впервые поднимались ещё В. фон Гумбольдтом и нашли развитие в работах А.А. Потебни, Д.Н. Овсяннико-Куликовского, В.В. Виноградова, Р.О. Якобсона и других языковедов, наиболее интенсивно они начали изучаться лишь во второй половине XX века.

Акцент на антропологической исследовательской парадигме привёл к изучению языка не как замкнутой, самостоятельной и независимой от человека структуры, а во взаимодействии «язык – речь – человек». Вопрос о взаимодействии человека и языка в процессе живой речетворческой деятельности оказался в фокусе внимания лингвистов, поскольку до сих пор «в тени оказываются такие взаимосвязанные и все еще не решенные проблемы, как роль каждодневного языкового творчества, соотношение индивидуального и социального в построении картины мира, а также степень проявления лингвокреативности на различных участках языковой картины мира» [Плотникова 2004: 10].

Основными понятиями научных исследований в области лингвистики креатива являются такие, как «креативный», «лингвокреативность», «языковая креативность», «лингвокреативное мышление», «креативная функция языка», «креатема» и др.

Если латинский корень *lingva* указывает на принадлежность к языку и не вызывает у исследователей разногласий, то в вопросах определения «креативности» мнения языковедов расходятся.

Обращаясь к термину «*креативность*», в первую очередь, следует отметить, что в русский язык это слово пришло из английского. В словаре В.К. Мюллера существительное «creativity» переводится как ‘творческие способности, способность к созданию’ [Мюллер 2015: 157].

Различные определения понятия «креативность» с позиций философии и концепции современного естествознания представлены в работе Л.Р. Сардаловой. Так, исследователи понимают под креативностью:

- 1) умение создавать или каким-либо способом осуществлять нечто принципиально новое;
- 2) порождающую способность творческого индивида и его характерную черту, проявляющуюся в преобразовании его опыта, сферы культурных смыслов и значений, всего универсума культуры;
- 3) изобретательность и продуктивную оригинальность интеллекта и человеческого мышления, выступающую в качестве катализатора всей деятельности индивида [Сардалова 2018: 82].

Исходя из данных положений, мы можем выделить основные признаки креативности: 1) она присуща индивидуумам; 2) реализуется в творческой деятельности; 3) конечным продуктом такой деятельности может являться нечто принципиально новое и уникальное; 4) базируется как на личном человеческом опыте, так и на социокультурном в целом; 5) является свойством человеческого мышления.

Так как креативность является особой чертой человеческого интеллекта, её следует отдельно рассматривать также и с позиции психологии. Обратимся к определениям креативности, сформулированным отечественными и зарубежными психологами и представленным в работе Л.Р. Сардаловой. Обобщение сведений из различных работ позволяет определить специфику данного понятия. Так, с психологической точки зрения под креативностью следует понимать:

- 1) способность создавать необычные идеи и решать проблемные ситуации посредством отклонения от традиционных схем мышления;
- 2) одну из общих способностей индивида, состоящую в возможности порождения оригинальных новых идей, а также – в насущной потребности самой личности в этом;
- 3) уровень творческой одаренности личности, составляющий его относительно устойчивую характеристику, коррелирующую, но не отождествляемую, с уровнем интеллектуального развития;
- 4) интегральный компонент дивергентного (латерального) мышления (в противовес конвергентному), предполагающего эвристическую многомерность при постановке и решении проблем, нежели лобовую конфронтацию с ней [Сардалова 2018: 82].

Приведённые выше положения позволяют заключить, что креативность является одной из общих способностей индивида, и, следовательно, каждый человек обладает ею. Однако уровень креативности у разных индивидов отличается. Отчасти он зависит от врожденных способностей, отчасти на него влияет общий уровень интеллектуального развития человека. Кроме того, в качестве катализатора креативности выступают потребности личности в решении определённой проблемной ситуации, причём традиционное решение на основе уже имеющихся знаний и логических рассуждений не удовлетворяет индивида.

Т.А. Гридина выделяет три основных критерия креативности: беглость как способность порождать большое количество идей применительно к поставленной задаче; гибкость как способность порождать разнообразные идеи; оригинальность как способность порождать нестандартные идеи [Гридина 2013: 7].

Таким образом, под **креативностью** мы понимаем совокупность психологических способностей индивида к творчеству, к ментальному переосмыслению реальности, личного и историко-культурного опыта для

решения каких-либо проблем путём создания нечто нового, ранее не имевшего место в материальной действительности или духовно-социальном пространстве социума.

Использование в русистике лексемы «креативный» в качестве производящей базы для термина «лингвокреативный» позволило аккумулировать в понятии и творческий потенциал отдельно взятой языковой личности, и творческий, созидательный характер самого языка. Именно креативная функция обеспечивает способность языка «не только адекватно передавать готовые сообщения, но и создавать новые сообщения (тексты), непредсказуемые по автоматическим алгоритмам» [Лотман 1996: 15].

В нашей работе мы придерживаемся понимания *лингвокреативности*, представленного И.В. Зыковой. По её мнению, креативность в рамках лингвистической направленности есть способность индивида к созданию оригинальных, инновационных, уникальных языковых феноменов в различных дискурсивных практиках [Зыкова 2015: 146].

Лингвистика креатива, в свою очередь, охватывает большой спектр практик речевого творчества, среди которых выделяются художественный и публицистический тексты, политический дискурс, детская речь, реклама и многое другое.

Языковое творчество всегда обусловлено целым рядом экстралингвистических факторов. К таким факторам можно отнести особенности речевой ситуации, форму общения, а также характеристики говорящего и адресата.

Так, индивид, создающий новые языковые единицы, может принадлежать к группе носителей данного языка или осваивать его в качестве иностранного.

Первые попытки языкового творчества носителями языка происходят ещё в раннем детстве и реализуют, в первую очередь, номинативную

функцию. Такая «детская» лингвокреативность выражается в попытках ребёнка создавать собственные, не закреплённые на уровне нормы названия отдельных объектов и явлений, а также в экспериментальной апробации существующих вербальных знаков.

«Детская» лингвокреативность обнаруживает высокий уровень интуиции и языкового чутья в процессе использования потенциала языковой системы. В первую очередь это проявляется в ассоциативной лабильности детей.

Х.К. Трик выделяет следующие этапы ассоциативно-креативной деятельности:

1. Способность к установлению отдаленных ассоциаций.
2. Способность выделить функцию объекта и предложить ее новое использование.
3. Способность изменить форму стимула так, чтобы придать ему новый смысл.
4. Способность продуцировать разнообразные идеи в сравнительно не ограниченной ситуации» [Трик 1981: 289-303].

При этом Т.А. Гридина называет «детскую» лингвокреативность «вынужденной», так как с её помощью ребёнок пытается компенсировать дефицит языкового и когнитивного опыта. Чтобы восполнить эти пробелы, ребёнку приходится использовать элементы уже имеющегося опыта для создания новой лингвистической «реальности» [Гридина 2013: 8]. Именно инновации, сформированные в сознании ребёнка на базе ассоциативных связей в области семантики, грамматики и лексики, позволяют детям находить решения в ситуации языкового дефицита.

Тем не менее, детская речь, обладающая спонтанной семантической гибкостью, обнаруживает значительную долю раскованности. Дети не боятся нарушать языковые стандарты, а зачастую делают это даже осознанно в рамках экспериментальной языковой игры.

Также к взаимозамещению и комбинации речевых единиц зачастую обращаются и изучающие иностранный язык. Здесь к особенностям лингвокреативности можно отнести, в первую очередь, механизмы «отбора в семантической памяти человека соответствующего слова» [Голованова, Панкратова 2015]. Происходит активизация логико-прогностических умений: говорящий прогнозирует предстоящую речевую ситуацию, обращается к фонду слов, схожих по значению и звучанию, а также опирается на языковую парадигму собственного языка, оценивает вероятность лингвистической сочетаемости слов.

Мышление такого вида создает новые элементы языка и языковых категорий стихийно и спонтанно. Для обозначения новых понятий или каких-либо отношений между ними язык прибегает к новым творениям фонем, к поискам еще не использованных комбинаций слов и элементов слов. Языковые знаки подвергаются различного рода преобразованиям, модификациям и всякого рода переосмыслениям. Это позволяет изучающему иностранный язык укрепить существующую систему знаний и модифицировать уже преобразованную на основании критического анализа.

Не только дети, но и взрослые носители языка прибегают к целенаправленному нарушению речевого прогноза. Некоторые лингвисты связывают это с языковой игрой.

Языковая игра реализуется в процессе преднамеренного выбора коммуникантами языковых единиц, которых «никогда не было», а также нетривиальным выбором или модификацией уже имеющихся и известных говорящему языковых средств для достижения определённых целей.

Обратимся к основным коммуникативным стимулам, побуждающим говорящих к языковой игре и представленным в работе Т.А. Гридиной [Гридина 2013: 14]:

- «стремление пошутить, не быть скучным», проявляемое в формах острология и балагурства (Е.А. Земская);

- склонность к языковому эксперименту, который заключается в эксплуатации «аномалии» на фоне знания нормы (Н.Д. Арутюнова), в «игре на гранях языка», обнаруживающей нереализованный и интуитивно ощущаемый говорящими потенциал языковой системы (Б.Ю. Норман); в языкотворчестве, связанном с обновлением имеющегося арсенала готовых номинативных единиц (В.З. Санников);
- потребность эмоционального самовыражения, усиления экспрессии речевого воздействия (О.С. Иссерс);
- гармонизация (нейтрализация, смягчение) речевого конфликта;
- обращение к языковой игре как неотъемлемая черта неофициального корпоративного общения;
- проявление творческой инициативы говорящих как способ «свободного воплощения своей индивидуальности» (С.А. Минюрова) – обнаружение потенциала языка в коммуникативном регистре, «избегающем» автоматизма; языковая игра выступает при этом как форма лингвокреативного мышления, механизмы которого основаны на «преодолении» – ломке, переключении – ассоциативных стереотипов (Гридина 1996, 2008).

Таким образом, коммуниканты прибегают к языковому творчеству для решения различного рода проблем. Носители языка прибегают к намеренному отклонению от литературной нормы с целью компенсировать нехватку языковых средств в связи с небогатым языковым опытом, переосмыслить существующую систему языковых знаков, привлечь внимание и создать экспрессивный эффект, а также в попытках освоить нереализованный потенциал языковой системы в целом.

1.2.Словотворчество как реализация лингвокреативного потенциала языковой личности

Наиболее ярко креативные способности языковой личности проявляются в словотворчестве. Реализация творческих способностей индивида, по мнению Л.И. Плотниковой, происходит в процессе создания новообразований, отвечающих требованиям коммуникативного акта и отражающих познавательную деятельность человека. [Плотникова 2004: 11].

Описывая причины появления новых слов, Е.В. Костина отмечает, что исследователи традиционно выделяют экстралингвистические и интралингвистические причины словотворчества [Костина 2007: 7-8].

Интралингвистические причины обусловлены собственно богатым нереализованным потенциалом языковой системы и проявляются в желании подобрать нетривиальные языковые модели, находящиеся в парадигматических отношениях с существующим мотивирующим словом.

Экстралингвистические причины обуславливаются рядом факторов, таких, как особенности речевой ситуации и тип речевого акта, социальные, возрастные, гендерные, этнические и культурные характеристики коммуникантов и взаимоотношения между ними. Эти и другие факторы могут стимулировать потребность дать наименование ранее неизвестной реалии; желание создать комический эффект; потребность выразить субъективное, эмоционально-окрашенное отношение к реалии; потребность соответствовать специфической речевой ситуации.

Словотворчество является двойственным процессом. С одной стороны, оно показывает, как действуют языковые механизмы и русская словообразовательная система в целом. С другой стороны, в процессе словотворчества происходит «отражение индивидом окружающей действительности» [Сардалова 2018: 82] и поиск возможностей

нереализованного потенциала языка для создания единиц, максимально соответствующих требованиям коммуникативного акта.

О.А. Никитина рассматривает лексическую инновацию как «непреднамеренный, сопутствующий эффект коммуникативного действия говорящего / пишущего для достижения определенной коммуникативной цели или же в результате новой интерпретации коммуникативного действия адресатом» [Никитина 2014: 211], мы склонны отводить главенствующую роль в словотворчестве адресанту. Именно адресант проявляет языковую инициативу для создания «прецедентов новизны» [Гридина 2013: 6].

Говоря об уровнях реализации лингвистической креативности, Е.Е. Щербакова и Е.В. Левичева сопоставляют их с уровнями языковой личности. По мнению исследователей, на вербально-семантическом уровне лингвистическая креативность выражается в готовности использовать языковые средства для общения. На тезаурусном уровне лингвистическая креативность проявляется в готовности выбирать стилистические приемы, дефиниции, афоризмы, пословицы в соответствии с мировоззрением личности. Последний, мотивационный, уровень демонстрирует прагматическую функцию лингвистической креативности. Это выражается в способности говорящего осознанно варьировать языковое высказывание в соответствии с поставленной коммуникативной задачей» [Щербакова, Левичева 2012: 99].

При этом в процессе словотворчества говорящему / пишущему недостаточно просто создавать формальные языковые знаки. Необходимо наполнять их функционально-нагруженным определением и уместно актуализировать их в заданной коммуникативной среде. Создание нового слова требует от языковой личности значительных когнитивных усилий. Адресант должен предварительно обратиться «к индивидуальному лексикону за “готовым” языковым средством» [Плотникова 2004: 12]. Если поиск не приносит нужного результата, говорящему необходимо смоделировать такую

языковую единицу, которая бы не только максимально достоверно передавала его коммуникативную интенцию и могла быть правильно интерпретированной адресатом, но и соответствовала бы потенциальным возможностям заданной языковой системы. С этой позиции словотворчество позволяет языковой личности почувствовать себя свободной в отношении используемого языкового материала.

Но в то же время эта свобода относительна. О.А. Никитина полагает, что свобода в отношении языкового материала ограничивается как общими составляющими коммуникативной ситуации (формой коммуникации, участниками коммуникации, целями коммуникации), так и другими факторами: коммуникативной интенцией языковой личности при выборе способа и средств лексической новации; осознанностью этого выбора; коммуникативными принципами, которыми руководствуется языковая личность при создании новообразований (например, информативность, оригинальность, точность, понятность и пр.); ресурсами, которыми располагает языковая личность для создания новообразования [Никитина 2014: 210].

Таким образом, словотворчество является одной из наиболее продуктивных возможностей реализации лингвокреативного потенциала языковой личности. Одной из важнейших особенностей словотворчества можно назвать его двойственность: с одной стороны, образование новых слов характеризуется нарушением языковых стандартов, а с другой стороны, базируется на основных ресурсах системы языка.

1.3. Способы словопроизводства в современном русском языке

Среди продуктивных моделей словопроизводства в русском языке можно выделить две большие группы способов образования новых слов: узуальные и неuzuальные.

Из группы узуальных способов словотворчества наибольшей устойчивостью обладают аффиксальные способы. К ним относятся суффиксальный, префиксальный, постфиксальный, префиксально-суффиксальный, префиксально-постфиксальный, суффиксально-постфиксальный и префиксально-суффиксально-постфиксальный способы.

Суффиксальный способ, по мнению Ю.Н. Шаталовой, является наиболее продуктивным для образования новых имён существительных (49,8% от общего числа субстантивов). При этом значительная доля суффиксальных новообразований служит для номинации лица [Шаталова 2013: 9].

Для словопроизводства существительных продуктивными оказываются суффиксы *-тель, -льщик, -щик, -ун, -ник, -енец, -лк*. Ср.: *идуший голосовать – голосователь; специалист по озеленению территорий – озеленяльщик; полный идей человек – идейщик; любитель поговорить – говорун; чумазый человек – чумазник; тот, кто много простужается – простуженец; тот, кто бормочет – бормоталка* и др. (примеры записаны из живой разговорной речи).

Для глаголов суффиксальных способ образования является менее продуктивным, он составляет всего 8,8% от общего числа новых глаголов [Шаталова 2013: 11].

По модели «основа существительного + суффикс *-и(ть)*» создаются переходные и непереходные глаголы несовершенного вида с общим значением действия: *чтобы волосы не электризовались, надо их муссить*. Кроме того, большим потенциалом в образовании новых глаголов обладают суффиксы *-нича-* (*чайвничать*), *-ствова-* (*лаборантствовать*), *-ну-* (*эсэмэснуть*).

При образовании имён прилагательных особой продуктивностью обладают суффиксы *-тельн-* (*выигрывательный процесс*), *-бельн-* (*покупабельный вид*), *-уч-* (*красивучий закат*), *-чат-* (*кудрявчатая голова*).

Префиксальная модель образования новых слов реализуется, в первую очередь при помощи высокопродуктивных приставок: **анти-** со значением противоположности (**антикурительный**); **псевдо-** со значением ложности (**псевдомедицинский**); **около-** со значением локальной или смысловой близости (**околожурналистский, околокроватный**); **недо-** и **пере-** со значением недостаточности и избыточности соответственно (**лучше перелюбить, чем недолюбить**); **гипер-, архи-** и **мега-** со значением крайней величины и важности (**гиперзанчительный, архимедленно, мегаведомство**); **супер-, сверх-** и **ультра-** со значением высокой степени проявления признака (**супермама, сверхинфантильный, ультрачёрный**); **до-** со значением временного предшествования (**дофаксовый период**)

Префиксально-суффиксальный способ создания новых слов, по мнению Е.А Земской, более активен в сфере прилагательных [Земская 2009: 82]. Продуктивной следует признать модель «**без-** / **бес-** + основа существительного + **-н-**», по которой создаются прилагательные со значением «характеризующийся отсутствием того, что названо мотивирующим словом»: - **беситанный**.

При образовании существительных высокой продуктивностью обладают модели **анти-...-ик, анти-...-ист, анти-...-ец, со-...-ник: антидогматик, антиморалист, антипутинец, соутопленник**. Аналогично образование существительных, имеющих в своем составе префикс **вне-** и суффикс **-ник: внеконкурсник**.

Для глаголов наиболее продуктивными словообразовательными моделями можно считать модель «**о-...и(ть)**» и «**за-...и(ть)**» с общим значением «наделить тем, что названо мотивирующим существительным»: **оснежинить и замшиурить ёлку**.

Глаголы с префиксом **по-** и суффиксом **-и-** характеризуются значением непродолжительности совершенного действия: **пожюристь**.

Постфиксальный способ словообразования хоть и считается продуктивным, тем не менее является малочастотным. В нормативном языке возможность образования возвратного глагола часто остается нереализованной, так как семантическое место оказывается занятым супплетивным (*жечь – гореть*) или коррелятивным (*поить – пить*) образованием. Образование новых слов постфиксальным способом с нарушением языкового стандарта сводится к словообразовательной оппозиции «невозвратный переходный глагол – образованный от него возвратный глагол»: *не смеши меня, все равно не рассмежусь*.

Префиксально-постфиксальный способ оказывается продуктивен для образования глаголов. Активно употребительной оказывается группа глаголов со значением интенсивности действия, образованная по моделям *за-...-ся, на-...-ся, из-...-ся, раз- / рас- ...-ся, об-...-ся*: *зарепетировался, напроверялся, изнервничался, расскакался, обпился*.

Суффиксально-постфиксальный способ словообразования также реализуется при образовании новых глаголов. Глаголы, имеющие значение «совершать действия, свойственные мотивирующему слову», образуются при помощи суффикса *-и-* и постфикса *-ся*: *лучиться*.

Префиксально-суффиксально-постфиксальным способом могут образовываться глаголы со значением доведения себя до состояния полного погружения в действие по модели *за-...-и...-ся* (*запроблемиться*); со значением пресыщения по модели *на-...-и...-ся* (*навайфайтиться*); со значением прекращения длительного действия по модели *от-...-и...-ся* (*отдежуриться*); со значением «обмениваться действием, заложенным в мотивирующем слове» по модели *пере-...-ива- / -ыва-...-ся* (*перелаиваться*).

Кроме вышерассмотренных аффиксальных способов словотворчества, к группе узуальных необходимо отнести усечение, сложение и сращение.

Усечение является безаффиксным способом словотворчества, при котором новообразование возникает в результате сокращения формальной

оболочки мотивирующего слова и с сохранением его лексического значения: *шиза* (от *шизофрения*), *кенга* (от *кенгуру*).

Сложение – это морфологический способ образования сложных слов путем соединения основ мотивирующих слов с соединительной гласной или без неё: *волососушилки*, *глупо-юный*.

Сращение отличается от сложения тем, что соединённые мотивирующие слова связаны между собой подчинительными отношениями: *вездепроходный* – *езде проходит*.

Кроме узуальных способов словотворчества, исследователи выделяют в современном русском языке и **неузуальные** продуктивные словообразовательные модели. Так, Ю.Н. Шаталова рассматривает следующий ряд неузуальных способов словосложения в разговорной речи: субституция, контаминация, чересступенчатое словообразование, гендиадис, метатеза, тмезис, голофразис, эмансипация аффикса, креация [Шаталова 2013: 14-15].

Субституция представляет собой словообразование по конкретному образцу: новое слово создается путём замены в исходном слове морфемы по аналогии со структурой конкретного слова на основе ассоциативных связей. В качестве образца могут выступать «отдельные слова типовой структуры, слова с уникальным аффиксом или с остаточной основой, а также произвольно членимые слова» [Шаталова 2013: 2009]: *жирбургер* (по образцу «*гамбургер*»), *разнофамильцы* (по образцу «*однофамильцы*»).

Под **контаминацией** понимается «способ словообразования, при котором происходит слияние, скрещивание и слов или частей слов в одно неразложимое целое – формальное и семантическое, предполагающее обязательное взаимопроникновение объединяемых компонентов на основе их звукового сходства» [Изотов, Панюшкин 1997: 21-22]. В качестве примера контаминации можно привести следующий: *шизобретатель* (*шизофрения* + *изобретатель*).

Чересстуненчатое словообразование представляет собой создание нового слова с пропуском словообразовательного звена, на месте которого должно быть непосредственно мотивирующее слово. Рассмотрим пример: *всё производство автоматизировано и закомпьютерено*. В случае последовательного словопроизводства словообразовательная цепочка должна была бы выглядеть так: *компьютер – компьютерить – закомпьютерить – закомпьютеренный – закомпьютерено*. Очевидно, что в этом примере пропущены три словообразовательных звена.

Гендиадис также называется в научной литературе как «фокус-покус приём» [Шаталова 2013: 15]. При данном типе словотворчества новое слово появляется за счёт повторения мотивирующего слова с изменением начального звука или группы звуков: *контексты-подтексты*.

Суть **метатезы** как способа словотворчества заключается в перестановке элементов слова. При этом меняется только звуковая оболочка, значение остается исходным. Данный прием используется говорящим, по мнению Ю.Н. Шаталовой, когда говорящий пытается симитировать речь ребёнка [Шаталова 2009]. Яркими примерами могут стать «*пелмянница*» вместо «*племянница*», «*альпесинчик*» вместо «*апельсинчик*».

Тмезис заключается во вставке внутрь слова какой-либо единицы. Так, новообразование «*малюпасенький*» создано путем вставки фрагмента *-на-* между частями прилагательного «*малюсенький*».

Голофразис представляет собой разновидность лексико-синтаксического способа, когда новые слова получаются в результате «склеивания» или иначе сращения группы слов и предложений: *яжемать, онижедети*. По утверждению Е.Я. Шмелевой, «такие “склеенные” образования являются новым средством категоризации действительности – они не только придают тексту большую выразительность, но и подчеркивают определенный смысл, который обычно передается несколькими словами» [Шмелева 2015: 47].

Эмансипация аффикса происходит в случае употребления аффикса как самостоятельной лексической единицы. Например, самостоятельное использование суффикса *-дцать*: *Вижу восемнадцатого, девятнадцатого. Есть ещё дцатые?*

Креация заключается в создании новых слов на базе присвоения лексического значения произвольной последовательности звуков. Например, *«начибурить туфли»* в значении «покрыть туфли кремом для обуви».

Отдельно стоит рассмотреть особые случаи проявления лингвокреативной позиции говорящего – «свое метафорическое или метонимическое употребление слов» [Щуклина 2011: 118]. С одной стороны, метафора не относится непосредственно к словотворчеству, так как заключается в переносе свойств с одного «уже названного» предмета на другой. Тем не менее, в результате переноса значения мотивирующее слово становится единственным и неповторимым носителем этого метафорического смысла. «Метафора выручает словотворчество: без метафоры словотворчество было бы обречено на непрерывное производство все новых и новых слов и отяготило бы человеческую память невероятным грузом» [Харченко 2007: 11]. «Узнавание образа» в незнакомом предмете – обязательная предпосылка освоения метафорического способа номинации: *ср., санки завяли* (т.е. покрылись ржавчиной), *собака курит* (о дыхании на морозе).

Рассмотрев существующие продуктивные способы словотворчества в современном русском языке, можно сделать вывод об их многообразии и судить о тенденциях развития словообразовательной системы языка. Именно посредством создания новых слов говорящий стремится представить своё видение и оценку окружающего средствами, выходящими за рамки имеющегося арсенала языковых единиц. Потому именно новообразования демонстрируют возможности и закономерности словообразования, ускользающие от внимания при исследовании закрепившихся в языке слов.

Выводы по I главе

Вопросы языкового творчества впервые поднимались ещё в XVIII веке, но выделились в самостоятельную отрасль лингвистических исследований лишь во второй половине XX века.

Творческое начало в языке связано с продуктивной деятельностью, привнесением нечто нового в различные дискурсивные практики. Языковая личность трансформирует уже существующие языковые средства и создает новые с целью достижения определённого эффекта. Целью лингвокреативной деятельности может быть:

- компенсация нехватки языковых средств;
- номинация нового явление, ранее не имевшего место в материальной действительности;
- привлечение внимания адресата;
- повышение экспрессивности и выразительности высказывания или текста;
- расширение семантики уже существующих слов и выражений;
- попытки освоить нереализованный потенциал языковой системы в целом.

Хотя лингвистическая креативность и заключается в нетривиальном подходе носителя языка к его потенциальным возможностям, свобода языковой личности в отношении языкового материала ограничивается рядом факторов: формой коммуникации, её участниками и целями, коммуникативной интенцией языковой личности, ресурсами, которыми располагает языковая личность для создания новообразования.

Наиболее ярко креативные способности языковой личности проявляются в словотворчестве.

К продуктивным моделям словотворчества в современном русском языке можно отнести суффиксальный, префиксально-суффиксальный,

префиксальный, постфиксальный, префиксально-постфиксальный, суффиксально-постфиксальный и префиксально-суффиксально-постфиксальный способы; усечение, сложение и сращение; а также группу неузальных способов словосложения, таких как субституция, контаминация, чересступенчатое словообразование, гендиадис, метатеза, тмезис, голофразис, эмансипация аффикса, креация.

Богатство словообразовательных моделей предоставляет языковой личности право выбора средств и способов создания новых лексических единиц. Говорящий / пишущий, с одной стороны, проявляет свою языковую креативность, а, с другой стороны, реагирует на стимулы окружающего мира. Именно в ходе этой деятельности формируются новые понятийные, оценочные и эмоциональные смысловые конфигурации, не имевшие ранее в языковой системе своего обозначения.

Глава II. ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ СЛОВА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

2.1. Поэтический текст и словотворчество

Творческая языковая активность проявляет себя во всех сферах его функционирования. В.П. Григорьев выделял сферу научной коммуникации и писал о «словотворчестве, “фразеотворчестве” и терминотворчестве в разговорной, диалектной, жаргонной, детской речи, в фольклоре, в газетном и журнальном языке, в воздействии “новых языков искусства” на словесное творчество, в языковых играх» [Фатеева 2016: 14]. Тем не менее, главенствующую роль в реализации творческого потенциала языка В.П. Григорьев отводил именно сфере поэтического языка.

Анализ опыта изучения особенностей поэтического текста в работе Ж.Е. Тимашовой показывает, что для поэтического текста характерны рефлексивность и образность поэтического слова, особое семантическое наполнение, необычная система местоимений, составляющая сюжетную модель взаимоотношений персонажей, активное использование тропов и стилистических фигур, экспериментальный характер поиска средств художественной выразительности [Тимашова 2011: 9]. Всё это служит доказательством того, что именно в поэтическом языке реализуется лингвокреативный потенциал языковой личности.

Поэтический дискурс по своей сущности отличается от обыденной формы речи, так как предполагает особые формы коммуникации: отсутствие реального адресата, значительную обращённость к внутреннему миру и самосознанию автора, высокую степень метафоричности и иносказательности и особые эстетические и эвристические установки. Упорядоченная структура поэтического текста имеет ряд особенностей, не

характерных для естественного языка. Так, стихотворная форма предполагает соблюдение стихотворного размера и рифмы, особую звуковую организацию, структурный параллелизм. Кроме того, в поэтическом тексте существует потенциальная возможность реализации «лингвистических аномалий, поскольку поэтические высказывания не подчиняются верификации на “истинность-ложность”» [Фатеева 2016: 19]. Лингвокреативные намерения автора в поэтическом тексте успешно реализуются на этапе создания индивидуально-авторских новообразований.

Под *индивидуально-авторскими словами*, вслед за Р.Ю. Намитоковой, мы понимаем авторские новообразования, «преднамеренно созданные авторами для нужд контекста и не отмеченные в словарях национального языка, соответствующего данному автору времени, обладающие в силу своей невоспроизводимости признаком новизны и могущие превратиться в единицы языка при благоприятных условиях» [Намитокова 1989: 10].

Значительная часть научных работ, связанных с лингвистикой креатива, посвящена исследованию инноваций в художественных текстах. Вопросам словотворчества в поэзии посвящены работы М.А. Бакиной, Г.О. Винокура, В.П. Григорьева, И.Л. Загрузной, Е.А. Земской, Н.П. Колесникова, А.Г. Лыкова, Р.Ю. Намитоковой, М.А. Петриченко, Л.И. Плотниковой, Ж.Е. Тимашовой, В.В. Тимофеевой, Э.И. Ханпиры.

Объектом изучения индивидуального творчества в области слов и словосочетаний были произведения А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева. Однако пик популярности словотворчества в поэтических текстах, по мнению исследователей, пришёлся на XX век. Так, О.А. Ежкова пишет о том, что если на рубеже веков словотворчество футуристов шокировало читающую публику и вызывало поток критики и пародий, то позже В. Маяковский и В. Хлебников сумели заставить читателя воспринимать индивидуальное словотворчество «всерьез», сделав последнее органической чертой своего идиостиля: «Игра суффиксами издавна ведома

поэзии, но лишь в новой поэзии, в частности у Хлебникова, становится осознанным, узаконенным приемом» [Ежкова 2007: 57].

Б.Н. Гаджимурадова анализирует историю изучения индивидуально-авторских неологизмов и приходит к выводу, что современные исследования индивидуально-авторских новообразований базируются на описании словотворчества следующих писателей и поэтов: И.Ф. Анненского, М.А. Волошина, И. Северянина, Н.Н. Асеева, А.А. Вознесенского, Ф.М. Достоевского, Е. Евтушенко, Р. Рождественского, С.А. Есенина, В.В. Иванова, С. Кирсанова, В.В. Маяковского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, В. Хлебникова, М.И. Цветаевой, А.П. Чехова, А.И. Солженицына, Н.В. Гоголя, М. Шолохова, В.А. Луговского, Ю.М. Нагибина, А.С. Пушкина, Б. Ахмадулиной, И. Ильфа и Е. Петрова, А. Белого [Гаджимурадова 2003: 28].

Историю поэзии в некоторой мере можно рассматривать как историю различного мироощущения и мировосприятия авторов. Создавая свою собственную, уникальную картину мира, поэт ищет необычные формы ее выражения, что прямо влияет на особенность отбора лексических средств. Индивидуальные образования, созданные авторами разных литературных эпох и направлений, свидетельствуют не только о различии в идейных установках, но и о различном отношении поэтов к новому слову и словотворчеству.

При этом, следует отметить, словотворчество вышеуказанных авторов изучено с разной степенью подробности. Так, Р.Ю. Намитокова условно выделяет две группы поэтов XX века по их отношению к словотворчеству:

1. Активно использовавшие словотворчество в поэзии: В.В. Маяковский, В. Хлебников, С.А. Есенин, Н.Н. Асеев, С. Кирсанов, Е. Евтушенко, А.А. Вознесенский, М.И. Цветаева и др.
2. Умеренно использовавшие новые слова в своих произведениях: Б. Пастернак, С. Островой, П. Антокольский, Р. Рождественский, Б. Ахмадулина, Ю. Мориц [Намитокова 1986: 26].

Более подробно об индивидуально-авторских новообразованиях отечественных поэтов можно узнать из содержания словарей языка русской поэзии, охватывающих художественные произведения одной временной эпохи, или обратиться к статьям, изучающим словотворчество в произведениях отдельных авторов.

Говоря о сущности индивидуально-авторских новообразований, мы упоминали, что некоторые из них могут перейти в языковые факты. Для этого необходимо, чтобы: 1) явление новой номинации было целесообразно; 2) новообразование соответствовало парадигме языка; 3) новообразование могло конкурировать с узуальными синонимами. Кроме того, на переход индивидуально-авторской креатемы в обиходную лексику языка оказывают влияние и экстралингвистические факторы. Именно поэтому лишь ограниченное количество авторских новообразований переходят в общеупотребительные единицы языка. М.А. Пахомова приводит примеры таких новообразований: *промышленность*, *будущность* (Н.М. Карамзин), *нигилист* (И.С. Тургенев), *злыхательство*, *чумазый*, *головотяп* (М.Е. Салтыков-Щедрин), *стусеваться* (Ф.М. Достоевский), *отсебятина* (К.П. Брюллов), *самодур*, *самодурство* (А.Н. Островский), *хлыщ*, *приживалка* (И.И. Панаев), *бездарь* (И. Северянин), *неудачник* (И.А. Гончаров), *интеллигенция* (П.Д. Боборыкин), *прозаседавшиеся* (В.В. Маяковский), *Мойдодыр*, *Айболит* (К.И. Чуковский). Однако такая судьба ожидает лишь небольшую часть индивидуально-авторских новообразований, большинство же из них не существуют за пределами своего произведения.

При изучении создания новых слов в поэтическом дискурсе перед языковедами неизбежно возникает вопрос: для чего автору понадобилась новая лексическая единица? Почему узуальная лексическая система языка не смогла удовлетворить авторскую потребность? Среди наиболее значимых причин создания поэтами индивидуально-авторских новообразований О.А. Ежкова выделяет придание контексту экспрессивности при помощи

употребления нового, не известного языку (а, соответственно, и читателю) слова [Ежкова 2007: 57].

А.Г. Лыков представляет «шкалу экспрессивности» индивидуально-авторских новообразований. В соответствии с ней наибольшей выразительностью обладают новообразования, созданные по индивидуальному и непродуктивному моделям, а «окказиональные слова, созданные по высокопродуктивным словообразовательным типам, содержат слабый заряд экспрессии» [Лыков 1976: 24].

Однако далеко не все авторские слова создаются по индивидуальному моделям. Существенная группа слов образуется по высокопродуктивным словообразовательным моделям и обладает слабой степенью выразительности. Сюда можно отнести, например, слова на *-ость* (*фейерверчность*), *-ние* (*осчастливливание*), *-ище* (*университетище*) и др.

Отсюда возникает логичный вопрос: зачем авторы обращаются к высокопродуктивным словообразовательным моделям и создают слова, располагающиеся на самой границе, отделяющей их от канонических неэкспрессивных слов.

Создание индивидуально-авторского новообразования подчиняется не только задаче выражения экспрессии и выразительности. В качестве других причин словотворчества можно выделить «стремление придать стилистический оттенок», «желание избежать тавтологии в речи», «стремление точно выразить мысль», «стремление кратко выразить мысль», «желание подчеркнуть свое отношение к предмету, дать ему характеристику, оценку», «стремление своеобразной формой слова обратить внимание на его значение, стремление к каламбуру» и др. [Костина 2007: 7].

Отдельно следует отметить стремление поэзии избегать «механизации» речевого процесса, придавая жизнь внутренней форме слова. «В поэзии роль механической ассоциации сведена к минимуму, между тем как диссоциация словесных элементов приобретает исключительный интерес. Дроби

диссоциаций легко комбинируются в новые сочетания. Мертвые аффиксы оживают» [Ежкова 2007: 58].

Таким образом, авторы используют в своих произведениях индивидуальные новообразования, преследуя различные цели: начиная от желания избежать тавтологии и заканчивая созданием новых максимально выразительных и нетривиальных смыслов. Однако реализация лингвокреативного потенциала поэта не будет иметь силу вне контекста. Контекстуальный фактор создания индивидуально-авторского слова, по О.А. Ежковой, – это особенности лингвистической организации микроконтекста, «подталкивающие» автора к созданию нового слова, к отказу от узуального слова по причине его несоответствия особенностям организации контекста на различных языковых уровнях. [Ежкова 2007: 58]. Именно заданный контекст, опирающийся на фоновые знания читателя, позволяет правильно интерпретировать авторские новообразования.

2.2. Современные тенденции поэтического словотворчества

Современная поэзия, предполагающая значительную долю языковой игры, достаточно достоверно отображают динамику языковых инноваций, в том числе в сфере словотворчества. Стремление создать литературный нонсенс, поиск альтернативных слов, явлений и ситуаций, идущих вдоль смыслового ряда – всё это характерно для современной поэзии века.

Одной из тенденций в поэтическом словообразовании Н.А. Фатеева выделяет подвижность категории возвратности у глаголов. Это обусловлено значительной рефлексивностью современной поэзии, обращением авторов к поэтическому «Я» [Фатеева 2018: 46].

Так, в стихотворении В. Черешни «Живёшь, живёшь, и обжигашься...» отмечены неuzuальные рефлексивные формы глаголов:

Живёшь, живёшь, и обжигашься

*вдруг ужасом, что не живёшь,
а потихоньку умираешься
и полегоньку исчезаешься, –
не человек уже, а дрожь.*

<...>

*Пока наощупь разбираешься
между «живёшь» и «не живёшь»,
скукоживаешься, смеркаешься,
закатным отсветом теряешься,
дня позолоченного грош.*

Хотя непереходные глаголы «умирать» и «исчезать» не предполагают какое-либо воздействие субъекта на самого себя, автор реализует их рефлексивный потенциал.

Глагол «смеркаться», в значении «темнеть», наоборот, не имеет в русском языке невозвратной пары. Однако В. Черешня ставит этот безличный глагол в синонимичный ряд наряду с глаголами «умирать» и «исчезать», придавая ему значение постепенного убывания жизни и наделяя его субъективными свойствами.

Обратным процессом при создании индивидуально-авторских слов становятся случаи, когда поэты сознательно устраняют возвратный постфикс у глаголов, употребляющихся только в возвратной форме. Так, Е. Шварц в стихотворении «Два аспекта» пишет:

Вот не думала, что доживу, дождю

До подгнивших слив в дрожжевом саду <...>

Индивидуально-авторские слова возникают и тогда, когда к возвратным глаголам присоединяются аффиксы, меняющие значение мотивирующего глагола на противоположное.

Так, в стихотворении М. Амелина «Случайная музыка» к рефлексивному глаголу «встретиться» автор добавляет приставку *раз-* и достигает оксюморонного эффекта:

*Нежно-розовый нехотя исчезает под густо-лиловым, –
зазеваешься, кажется, и не сыщешь дороги туда,
где случайная музыка не успела с умышленным словом
разминуться, **развстретиться**, где в открытое море суда <...>*

Не только для возвратных глаголов характерно присоединение к мотивирующему слову приставки. Так, в поэме Е. Шварц «Мартовские мертвецы» отмечен индивидуально-авторский глагол «вмирать». Благодаря приставке *в-* глагол приобретает значение направленности «вовнутрь» и коррелируется с местоимением «тебя» в винительном падеже с предлогом «в»:

*<...> Смерть – море ты рассвета голубое,
И так в тебя легко **вмирать** <...>*

Необычное значение глагола «помнить» при присоединении приставки *вы-* со значением пространственной ориентированности отмечается и в стихотворении О. Пашенко «Advent»:

*Свет электрический, золотой.
Он возвышается как пирамида над столом
с алкоголем, или без
алкоголя, только сидели
и никак ничего не могли
выпомнить из этой мглы.*

Н.А. Фатеева выделяет ещё одну тенденцию в современном поэтическом дискурсе – это образование необычных форм императива [Фатеева 2018: 47]. Например, в стихотворении П. Андруковича «Меньше на один голос» зафиксирован индивидуально-авторский глагол «солуби», в значении побуждения к совместному действию:

солюби воздух с
кем-нибудь, кто
который
это сотворит <...>.

В сфере образования авторских существительных в поэтическом тексте характерно видоизменение уже существующих наименований путём прибавления к ним суффиксов, несущих в себе значение оценки.

Например, значение пренебрежения и укоризны выражает существительное «самолётина» в стихотворении О.А. Фокиной «Кто на Тарногу?». Лирический герой словно упрекает транспортное средство в своём плохом самочувствии:

*Над болотами,
Над поскотиной
Укачал меня
Самолетина.*

В поэме «Останься со мною» О.А. Фокиной существительное «огончик», наоборот, передает весёлое и ласковое отношение лирического героя:

*А что? Пока **огончик** не погас,
Пожалуй, мы тихонько затальяним!*

Оттенок незначительности и пренебрежительности характеризует существительное «партизашка» из стихотворения А. Воскобойниковой «Говорит...»:

*Вот подпись – твой юный **партизашка**,
Похорони со мной мою фуражку.*

В целом, образование новых слов с модификационным значением придаёт поэтическому произведению стилистический оттенок разговорной речи.

Типичной для О.А. Фокиной является модель образования существительных, обозначающих единичные предметы, принадлежащие к общности неисчисляемых предметов или массе вещества. Например, в стихотворении «Не знаю, что тебе писать...»:

Но я – дитя моей реки,

***Озиминка** из этой озими.*

Или в стихотворении «'Ау!' – у рта ладошеньки...»:

В тени ветвей Аленушка –

*В оправе **драгоценника!***

Большим словообразовательным потенциалом в современной поэзии обладает способ разнословного сложения, наиболее успешно реализующийся при создании существительных и прилагательных.

Так, в стихотворении А. Мишина «Снежинка» отмечено индивидуально-авторское краткое прилагательное «*колюче-холодна*»:

Поймай снежинку на ладонь,

*Она **колюче-холодна**.*

В произведении Д. Кобыляцкого «Рождество» индивидуально-авторское образование создано способом объединения двух зафиксированных в словарях узуальных существительных, совпадающих в роде, числе и падеже, с дефисным написанием:

***Вьюга-склочница** врежет кнутом,*

Раскроив полюса по швам...

Индивидуально-авторское новообразование из произведения А. Кинаш «Идеалисты» также образовано способом сложения узуальных слов с дефисным написанием, однако, эти существительные отличаются друг от друга формами числа:

*Скоро бетон омоют **печаль-дожди**,*

Скоро погаснет в солнечный рай проем...

Отдельно следует рассмотреть такой способ разнословного сложения, когда одна часть новообразования представлена словом, зафиксированным в словаре, а вторая часть является результатом креативной деятельности автора. Весьма успешно этот способ реализуется в произведения О.А. Фокиной. Например, в стихотворении «Об одном походе»:

*На подушке-промятушке,
На домашней кроватишке
Не заснуть вашей матушке!*

Или в стихотворении «Елка, срубленное дерево»:

*Торопливо распелёнывать
Будешь, добрая душа,
Ненаглядного, зеленого
Еленёнка-мальшиа.*

Отмечены примеры необычных авторских слов, в которых проявляется игра поэта со словами. Например, в стихотворении М. Степановой «Какие карты – о тебе в пасьянец?» читателю представляется целый ряд кратких прилагательных, мотивированных наименованием дней недели:

*<...> День **понеделен, вторничен, срединн,**
Чист, как паркет, пока не наследим <...>*

Н. Азарова в стихотворении «Заснуть – забыть в себя тяжёлую таблетку лёгких...» употребляет индивидуально-авторские слова, образованные от прилагательных, «летний» и «диванный»:

*<...> день – **зноен – летен – и срединн**
диванн <...>*

В другом произведении («Перед судом непогодово») поэт создаёт форму сравнительной степени прилагательных, образованных от существительных «море», «ветер» и «горы»

*<...> лезут подгоревшие сумерки
ещё морей*

ещё ветрей

ещё горей

куда уж <...>.

В стихотворении А. Ерёмченко «Колю дрова...» было отмечено необычное прилагательное в форме сравнительной степени:

*<...> Но с каждым ударом меня сносит влево,
и я становлюсь все **дровее** и **дровее**.*

В популярных в сети Интернет малых поэтических жанрах «пирожки» и «порошки», ориентированных на создание литературного нонсенса, зачастую также можно встретить альтернативные варианты образования форм слова. Например, в «порошке» пользователя Тумми создание нетривиальной степени прилагательного «узкий» сочетается с приёмами аллитерации и тавтограммы:

*ужу уже не стать **ужее**
ужее некуда уже
уже достигнута вся ужесть
в уже.*

Интересной представляется и форма сравнительной степени, образованной от числительного «один», в произведении В. Полозковой «И катись бутылкой по автостраде»:

*Я одна, как смертник или рыбак.
Я **однее** тех, кто лежит, застигнут
Холодом на улице: я слабак.
Я **одней** всех пьяниц и всех собак.*

Ещё одной отличительной чертой современной поэзии можно считать тенденцию к словообразованию от мотивирующих местоименных основ. Это явление не характерно для современного русского языка. При этом, по мнению исследователя, данная тенденция наиболее специфична для поэзии В. Полозковой [Фатеева 2018: 49].

Так, в стихотворении «Я твой щен: я скулю, я тычусь в плечо незряче...» поэт характеризует свое состояние разлуки с любимым:

Я ученый: мне инфицировали бестебье.

Тебядефицит.

Первое производное образовано от предложной формы без тебя по модели существительного «безрыбье», второе – образовано способом сращения. В обоих случаях можно говорить не только о единичном акте создания индивидуально-авторских слов, но и «об образовании особого типа отместоименных существительных» [Фатеева 2018: 49].

Образование новых слов по модели *без-/бес-...-е*, оказывается продуктивным не только в творчестве В. Полозковой. Так, в стихотворении О.А. Фокиной «В моем чулане с окнами на запад» мы встречаем сначала перечисление узуальных существительных, созданных по данной модели, а потом и индивидуально-авторское образование:

Безмолвие. Безветрие. Раздумье.

Кратчайшее мгновение весны.

Бесснежье – и бестравье: бескостюме.

Крах прошлого – с боязнью новизны.

Кроме того, для современной поэзии характерно отступление от правила непроницаемости словоформы. В интернет-поэзии неузуальное членение словоформы наиболее характерно для малых поэтических жанров – «порошков».

«Порошки» отличаются строгим размером: это четверостишья, написанные четырёхстопным ямбом (9-8-9-2) с обязательной рифмовкой второй и четвертой строки. Ограниченность последней четвёртой строки заставляет авторов прибегать к усечению основы слова или его псевдочленению для сохранения рифмо-ритмической структуры произведения. Сравним «порошок» пользователя Олег Олег:

я не поверю не услышу

*вселенную остановлю
когда ты скажешь еле слышно
не лю.*

Из «порошковой» поэзии тенденция к усечению основы слова и псевдочленению перешла к «традиционной поэзии». Так, в произведении А. Мишина «Воробей и кот» встречается усечённая форма глагола «отдохнул»:

*Едва **отдох**, как в тот же миг,
как будто летом:
– Чик-чирик.*

Пример псевдочленения отмечен в стихотворении О. Кныш «Надо сделать паузу. Собраться...», где автор отделяет последний слог слова «кулички» и переносит его на новую строку:

*Отвези меня на пепелаце
Хоть куда. Хоть к чёрту на **кули...**
...чки...*

Интересное членение прилагательного «нечаянный» представлено в стихотворении С. Подлесного «Моя соль земли. Дай приложу тебя к своим ранам...». Поэт отделяет часть корня *не-* и использует его и оставшуюся часть *-чаянный* как два самостоятельных, противопоставляемых друг другу слова:

*Моя соль земли, прости эту злобу.
Чаянную и не.*

Нарушение орфографических норм так же является характерной чертой современной поэзии: *жызнь, пришол, чутьчуть, какой-та, распустиццо, чорный, ещо, цылиндыр* и др. «Такое разрушение системы правил более всего напоминает игру, некий детский протест против излишних условностей, что заранее настраивает читателя на игровой лад и провоцирует на лингвистические шалости» [Соковнина 2014: 98].

Проведённый выше анализ позволяет заключить, что современной поэзии не чуждо отхождение от литературной нормы и традиции. Поэт старается создавать новые формы и неожиданные сочетания, потенциально заложенные в языке. К наиболее значимым тенденциям словотворчества в поэтическом дискурсе, в свою очередь, можно отнести интерес авторов к сокрытому в языке потенциалу рефлексивности, поиски нетривиальных форм императива, прибавлению к узуальным словам нетипичных для них суффиксов оценки, разнословному сложению, образованию сравнительных степеней и кратких форм относительных прилагательных, числительных и существительных, использование приёмов псевдочленимости и усечения основы, а также нарушение орфографических норм.

2.3. Лингвокреативная деятельность читателя поэтического текста

Отдельное место в изучении индивидуально-авторского словопроизводства занимает вопрос читательской рецепции поэтического текста.

Значимым аспектом исследования лингвокреативной деятельности читателя поэтического текста является проблема моделирование значения индивидуально-авторских слов как факта сознания рецептора. В современной лингвистике существует большое количество школ и научных подходов к трактовке мыслительных структур и процессов, лежащих в основе речезыковой деятельности человека. Следовательно, решение проблемы языкового смыслообразования обуславливается влиянием тех идейных установок, которых придерживается исследователь.

Среди наиболее значимых положений когнитивной семантики Т.В. Устинова выделяет идею о специфичности процесса конструирования значения в различных коммуникативно-дискурсивных условиях. К примеру, когнитивная обработка содержания высказывания в повседневной, бытовой речи характеризуется употреблением и восприятием языковых средств в их

непосредственных конвенциональных значениях. В свою очередь, употребление и восприятие языковых средств в поэтическом, медийном, религиозном дискурсах обнаруживает большую чувствительность к контекстуальным и прагматическим условиям и смысловую лабильность [Устинова 2015: 63]. Все эти факторы прямо влияют на когнитивную обработку значений тех или иных языковых единиц.

Воссоздание сложных художественных смыслов читателем представляет собой «эвристическую речемыслительную деятельность, стимулом которой являются переосмысленные поэтом лексические концепты, объективированные в неконвенциональной языковой форме» [Устинова 2016: 91]. Встречая в поэтическом тексте индивидуально-авторские новообразования, читатель преодолевает проблемную ситуацию смысловой неопределённости. Он самостоятельно трактует неузуальные языковые формы, а также перекодифицирует узуальное содержание лексических концептов или (в радикальных случаях) «приписывает» концептам исключительное концептуальное содержание.

В нашей работе мы придерживаемся идеи, что моделирование значения индивидуально-авторских слов в ходе читательской рецепции стихотворного текста осуществляется путём специфической переработки когнитивных моделей знаний, доступ к которым обеспечивается взаимосвязанными с этими единицами лексическими концептами. Переработка читателем совокупности словоупотребительных факторов в неконвенциональной языковой форме происходит, по мнению Т.В. Устиновой словообразовательных, морфолого-синтаксических параметров словоупотребления происходит на фоне ассоциативной многоплановости восприятия слова в поэтическом контексте [Устинова 2016: 91].

Ассоциативная теория лингвокреативности исходит из постулата, что ассоциативный контекст «вскрывает не столько существенные для понимания того или иного явления связи, сколько связи, определяющие

неожиданный аспект видения предмета, в первую очередь, ассоциации, обусловленные способом языкового представления передаваемой информации» [Гридина 1996: 16]. Т.А. Гридина полагает, что в процессе воссоздания неузуального значения имеет место трансформация ассоциативного стереотипа восприятия слова, понимаемого как «совокупность стандартных, устойчивых, воспроизводимых ассоциативных реакций на слово, отражающих его значимость в системе и характер узуального употребления» [Гридина 1996: 64].

Последствия трансформации ассоциативного потенциала слова Т.В. Устинова описывает следующим образом: происходит изменение содержания на уровне лексического концепта, что влечёт за собой изменения в концептуальном содержании. Привычная система реакций на слово разрушается, через ассоциативные переключения обновляется семантический потенциал – изменяется качество и структура когнитивных моделей, доступ к которым обеспечивается лексическим концептом [Устинова 2016: 93].

Многочисленные индивидуально-авторские новообразования затрудняют процесс смыслового восприятия поэтического текста, для которого, как и для любого другого письменного текста, характерно вероятностное прогнозирование читаемого. Процесс интерпретации индивидуально-авторских слов плохо поддаётся прогнозу, и восприятие поэтического текста деавтоматизируется. В таком случае, рецептивная деятельность требует от читателя высокого уровня развития языкового чутья, развитости образного мышления, семантической гибкости, адаптивности и спонтанности.

Следует также отметить особенности восприятия этих форм читателем. Как пишет Т.В. Устинова, «языковые девиации субъективно воспринимаются читателем как обладающие разной степенью нестандартности / девиантности и располагаются в диапазоне от «“совершенно не интерпретируемых”» авторских новообразований, вызывающих коммуникативный шок, до “не

вызывающих трудностей интерпретации” мотивированных отклонений, потенциально развивающих возможности, заложенные языковой системой» [Устинова, 2014].

Таким образом, конструирование значения индивидуально-авторских новообразований происходит за счёт трансформации ассоциативного потенциала слова: они переосмысливаются по форме и содержанию с уже имеющимися мотивирующими языковыми единицами. При этом большой вклад в производство концептуального наполнения индивидуально-авторских новообразований вносит языковое знание рецептора текста, а именно знание категорий, отражающих специфику языковой организации, специфику представления знания о мире в языке.

Выводы по II главе

Поэтический язык характеризуется высокой степенью метафоричности и иносказательности, за счёт чего обладает богатым потенциалом реализации «лингвистических аномалий». Благодаря этому в поэтическом тексте успешно реализуются лингвокреативные интенции автора, в том числе посредством создания индивидуально-авторских слов.

К группе индивидуально-авторских слов можно отнести такие уникальные лексические новообразования, которые сознательно созданы поэтом для нужд контекста и не зафиксированы в словарях национального языка, соответствующего данному автору времени. Некоторые из таких слов при благоприятных условиях со временем могут перейти в разряд общеупотребительной лексики, однако большая часть индивидуально-авторских новообразований так и остаётся неузальной.

В отечественной поэзии расцвет авторского словообразования пришёлся на XX век. Поэтами, активно использовавшими словотворчество в своей писательской деятельности, можно считать В.В. Маяковского,

В. Хлебникова, И. Северянина, С. Есенина, Н. Асеева, С. Кирсанова, Е. Евтушенко, А. Вознесенского, М. Цветаеву и др.

Среди наиболее распространённых причин создания индивидуально-авторских слов в поэтическом тексте можно отметить желание авторов усилить эмоциональные акценты, придать стилистический оттенок, избежать повторов, настроить читателя на языковую игру, создать комический эффект и др.

Для сферы словотворчества в современной поэзии характерны некоторые тенденции. К ним относятся подвижность категории возвратности у глаголов образование необычных форм императива; видоизменение слов путём прибавления к ним суффиксов со значением оценки; словообразование путём разнословного сложения; тенденция к образованию сравнительных степеней и кратких форм относительных прилагательных, числительных и существительных; словообразование от мотивирующих местоименных основ; усечение и псевдочленение основы слова; нарушение орфографических норм.

Рецепция неузуальных языковых явлений в поэтическом тексте так же, как и их создание, является сложной речемыслительной деятельностью. Поэтическое мышление, предполагающее интуитивные и образные мыслительные процессы, задействует широчайший спектр возможностей установления и преобразования ассоциативных связей концептов. Трансформации ассоциативного потенциала слова, в свою очередь, запускают активацию определённых областей в сфере когнитивных моделей читателя, что приводит к трансформации в конфигурировании концептуального содержания в процессе чтения поэзии.

Глава III. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ВЫБОРА СЛОВ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

3.1. Лингвистический эксперимент как метод изучения особенностей поэтического текста

Как известно, «одно и то же событие допускает чрезвычайно многообразную его языковую реализацию в тексте. При разных пересказах одного и того же события происходит различная его интерпретация, в результате чего возникают нетождественные тексты» [Левина 2010: 208]. Таким образом, многообразие смыслов и значений любого, в том числе и поэтического, текста вызвано не только тем, что автор затрагивает в своём произведении различные сферы реальности, но и частично тем, что каждый читатель склонен истолковывать произведение по-своему.

Экспериментальная верификация лингвистических гипотез, касающихся особенностей восприятия читателем художественного текста, позволяет исследователю перейти от наблюдательно-описательной деятельности к практической проверке идей и предположений и сделать частные выводы о том, как отдельные элементы текста влияют на его реципиента. Именно поэтому В.Н. Левина выделяет в структуре лингвистического эксперимента три основных компонента в их непосредственном взаимодействии: экспериментатор – текст – реципиент [Левина 2010: 208].

Реципиент, по мнению Н.И. Жинкина, «совершает двойную работу: он слышит передаваемый ему текст и вместе с тем производит его смысловое сжатие» [Жинкин 1958: 144]. Осложняет процесс смыслового восприятия поэтического текста то, что словарное и контекстуальное значения слов совпадают далеко не всегда. Таким образом, читателю для понимания текста

следует понимать гораздо больше, чем значения отдельных слов. Естественно, что знания читателей разнятся по обширности и глубине, а, следовательно, субъективное восприятие поэтического произведения для каждого из реципиентов будет сугубо индивидуальным.

Во время лингвистического эксперимента исследователь задаёт условия для какой-либо деятельности реципиента с текстом, контролирует эту деятельность, производит анализ и интерпретацию полученных результатов. Реакция испытуемых демонстрирует экспериментатору, насколько прогнозируемый результат, заявленный в гипотезе, соответствует реальной действительности.

Экспериментальное исследование в рамках нашей работы позволит проследить особенности механизма выбора языковых средств и создания новых индивидуально-авторских образований в поэтическом тексте.

3.2 Экспериментальное исследование индивидуально-авторских новообразований в современном поэтическом тексте

Целью проведения нашего эксперимента было выявить вариативность выбора языковых средств, в том числе неязыковых, в процессе создания поэтического текста.

В эксперименте приняли участие 25 испытуемых – студенты факультета иностранных языков Белгородского госуниверситета.

Участникам эксперимента было предложено стихотворение Л. Ясновой, опубликованное в 2017 году в поэтическом сборнике «Созвездие БелГУ: альманах университетского творчества» и содержащее в себе индивидуально-авторские лексические единицы. Отдельные слова в произведении были опущены (ниже они выделены в тексте). *Задачей информантов* было заполнить пропуски, подобрав, опираясь на контекст,

такие слова, которые, по мнению испытуемых, с наибольшей вероятностью мог бы использовать автор.

Л. Яснова

Кофе по-московски

Пустота сдаётся под ключ,
и погода сходит с ума.
Не канючь, дружок, не канючь, –
я *весёлый* город – Москва.

Я большой и людный вокзал
и *счастливый* чей-то билет.
Ты как будто что-то сказал,
но тебе неважен ответ.

Помолчим, дружок, помолчим,
словно это простое купе...
Мне давно не нужно причин
для *недолгих* встреч и тэ.пэ.

Я – тебе, как эта Москва,
посидим с тобой *деловó*
и до новых... Помни. Пока.
А не вспомнишь, вольному – *во...*

Рабочая гипотеза эксперимента состояла в том, что метод экспериментальной замены позволяет не только проследить особенности механизма выбора слов поэтом, но и определить функциональную нагрузку

отдельных лексических единиц и установить эстетические потери в результате замены слов, выбранных автором.

Рассмотрим варианты замены информантами первого скрытого слова *весёлый*.

Больше половины опрошенных (52%) предположили, что на месте пропуска должно находиться определение и вставили прилагательное, причастие или притяжательное местоимение. Очевидно, это объясняется препозицией пропуска перед определяемым существительным. 28% информантов заполнили пропуск сказуемыми, выраженными глаголами, как одиночными, так и с союзами, местоимениями и предлогами. Ответы 12% опрошенных представляли собой частицы, и 8% информантов предположило, что на месте пропуска находится существительное, выполняющее роль сказуемого.

Мы полагаем, что названные информантами частицы и указательные местоимения (*это; всего лишь; такой же как*) не привносят существенно новых смыслов в произведение и предложены лишь для заполнения пропуска и сохранения ритма.

Если мы обратимся к существительным, предлагаемым участниками эксперимента, то увидим большую степень языковой креативности. Так, существительное *Вселенная* в сочетаемости со словом «город», является индивидуально-авторской гиперболой, построенной на принципе искажения реальных размеров населённого пункта. Существительное *герой* же, хотя и зафиксировано в словарях сочетаемости, как употребляемое с существительным «город», фиксируется исключительно в последовательности «город-герой» и предполагает дефисное написание.

Объединённые общим значением направленности движения глаголы *приеду* и *покину* (в форме инфинитива) также отмечаются в словарях сочетаемости. Тем не менее, эти действия противоположны по своему значению. Употребление их информантами в рамках одного и того же

контекста показывает, насколько сильно выбор слов автором зависит от субъективного отношения.

Ещё один глагол со значением «прибыть на место», предложенный информантами – *бросаюсь (в тебя)*. Использование этого глагола стилистически отличается от глагола *приеду*, выражает большую степень уверенности и эмоциональности, и выступает как авторская метафора.

Достаточно нетипичным оказался глагол-связка *есть* в контексте «*Я есть город – Москва*». Ни этот глагол, ни синонимичные не зафиксированы словарями в сочетании с существительным «город».

Напротив, популярным оказался глагол *люблю (тебя)* – он встретился в ответах информантов три раза. Данная популярность, возможно, объясняется высокой степенью сочетаемости и частотностью употребительности.

Наибольшую группу ответов, как уже отмечалось ранее, составила группа определений, выраженных прилагательными, причастиями и притяжательным местоимением. В приведённой ниже диаграмме можно сравнить ответы, предложенные информантами, и слова, зафиксированные в «Словаре сочетаемости слов русского языка» под редакцией П. Н. Денисова,

В.В.Морковкина.

Данные «Словаря сочетаемости слов русского языка»

Данные, полученные от информантов

Отражённые в диаграмме результаты свидетельствуют о том, что только два ответа представлены в словаре сочетаемости. К ним относятся прилагательные *прекрасный* и *любимый*. Последнее было предложено информантами дважды.

Остальные 10 ответов выходят за рамки общеупотребительной сочетаемости с существительным «город» и описывают его с позиций: 1) принадлежности (*твой*); 2) масштабов (*великий*); 3) влияния на лирического героя (*чарующий*); 4) отношения к герою (*неласковый*); 5) климатических условий (*холодный*); 6) времени года (*осенний*); 7) психоэмоционального состояния (*весёлый, мрачный, уставший*). Примечательно, что авторский эпитет *весёлый*, правильно подобранный лишь одним из информантов, также не зафиксирован словарём сочетаемости русского языка.

В словаре С. И. Ожегова представлена следующая группа лексико-семантических вариантов для прилагательного «весёлый»:

1. Проникнутый весельем, полный веселья, выражающий его. *Весёлый характер.*
2. Вызывающий, доставляющий веселье. *Весёлый спектакль.*
3. Приятный для взора, не мрачный. *Весёлая расцветка.*

Значение эпитета в контексте «я *весёлый* город – Москва» сопоставляется с первым значением лексико-семантического варианта. Автор выбирает эпитет «весёлый», чтобы передать атмосферу позитивного настроения большого города. Лишь один из реципиентов смог распознать интенцию поэта и подобрать правильный эпитет. Отмечен ответ одного из участников эксперимента, который предложил вариант *мрачный*, являющийся антонимичным для третьего лексико-семантического варианта прилагательного «весёлый».

9 из 13 предложенных информантами определений позволили сохранить ритм, заданный автором для второй и четвёртой строки каждого четверостишья.

Следующим пропущенным словом, которое участникам эксперимента предлагалось восстановить самостоятельно, стало прилагательное *счастливый*.

В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова представлены следующие лексико-семантические варианты данного слова:

1. Полный счастья, такой, которому благоприятствует счастье, удача, успех; выражающий счастье. *Счастливая жизнь*.
2. Благополучный, удачный. *Счастливого пути!*

Значение, выделенное в контексте, совпадает с первым лексико-семантическим вариантом. Л. Яснова употребляет эпитет «*счастливый*» по отношению к билету в значении «приносящий удачу своему обладателю».

Как и в первом случае, большинство информантов выбрали в качестве необходимого слова определение, выраженное прилагательным или причастием (48%). Второй в количественном отношении (40%) оказалась группа сказуемых, выраженных глаголом или краткой формой причастия. 8% ответов были представлены вводными словами, а 4% – обстоятельством, выраженным существительным с предлогом.

«Словарь сочетаемости слов русского языка» П. Н. Денисова и В. В. Морковкина не фиксирует обстоятельство места *в кармане* в сочетании с существительным «*билет*», словосочетание «билет в кармане» является достаточно употребительным в разговорной речи и вполне может быть на слуху у информантов.

Оба информанта, заполнивших пропуск вводным словом, использовали слово «*возможно*», выражая тем самым определённую степень неуверенности лирического героя. Мы предполагаем, что такой выбор обуславливается обращённостью современной поэзии ко «внутреннему я» лирического героя и высокой степенью её рефлексивности.

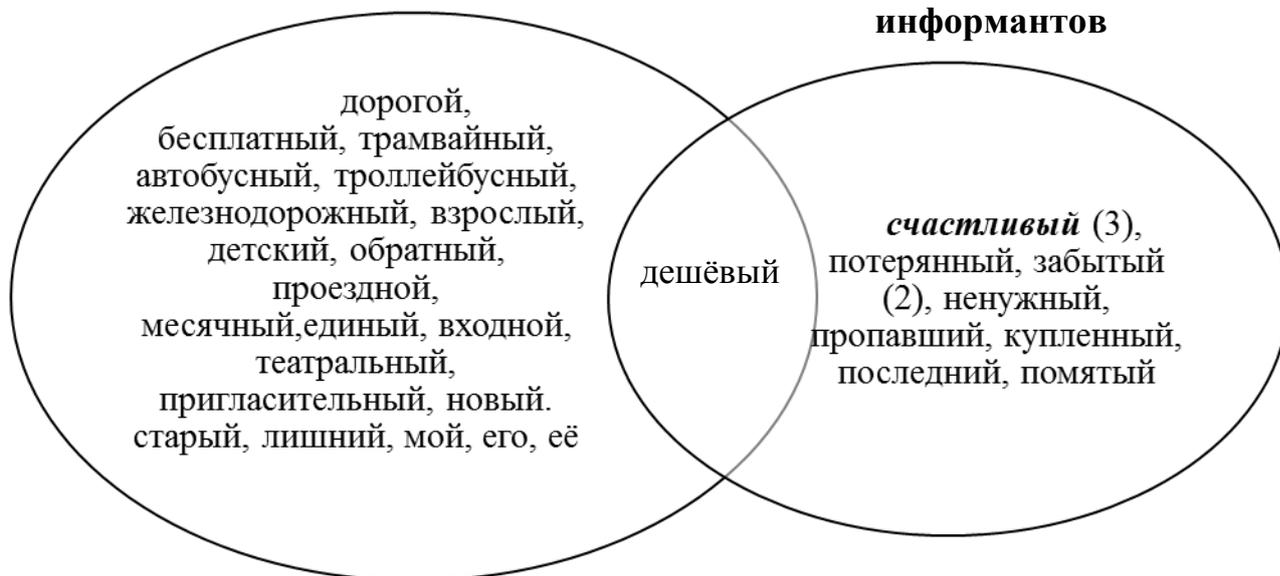
Из списка предложенных реципиентами сказуемых (*нашёл (3), купил, продал, выдал, беру, пропал (здесь), потерял (2)*), выраженных как глаголом,

так и краткой формой страдательного причастия, все, кроме одного выражены формой прошедшего времени. Этот факт обращает на себя внимание, так как практически все глаголы в этом произведении представлены в форме настоящего и будущего времени, а единственный глагол в форме прошедшего времени расположен на строке, следующей за предлагаемым пропуском. Таким образом, мы можем предположить, что на особенности выбора языковых единиц при написании поэтического текста оказывает влияние не только смысловой и стилистический, но и грамматический контекст.

Как и в случае с выбором первого эпитета, предлагаемые информантами определения в большинстве своём выходят за пределы фиксированной в словарях сочетаемости с существительным «билет». *Дешёвый* – единственное прилагательное, предложенное информантами и отмеченное в словаре сочетаемости.

**Данные «Словаря сочетаемости слов
русского языка»**

**Данные, полученные от
информантов**

Наиболее частым совпадением среди ответов стал вариант *счастливый*, совпадающий с авторской версией; его предложило 3 человека.

Определения *потерянный, забытый и пропавший* (2) подразумевают нежелательную утрату билета его хозяином, причастие *помятый* описывает внешние дефекты билета, а эпитет *ненужный* предполагает, что в билете пропала необходимость. Если авторский эпитет *счастливым*, в значении «приносящий удачу», несёт в себе позитивное эмоциональное настроение, то вышерассмотренная группа определений вносила бы в поэтический текст иную коннотацию. Предложенные информантами определения *последний* и *купленный*, с точки зрения эмоциональной составляющей, можно считать нейтральными.

Так же, как и в случае с первым пропуском, большинство предложенных информантами определений (10 из 12) сохраняют заданный автором ритм.

При работе со следующим пропуском, на месте которого должен был находиться авторский эпитет *недолгих*, абсолютное большинство информантов (84%) предположило, что в тексте отсутствует определение, выраженное прилагательным, причастием или местоимением. Ещё 16% опрошенных вставили на месте пропуска дополнение, выраженное существительным.

В «Словаре русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой даётся только одно значение прилагательного «*недолгий*»:

1. Краткий по времени; непродолжительный. *Недолги летние ночи!*

Данное значение полностью совпадает с контекстуальным значением кратковременности свиданий героев стихотворения. Ощущение непродолжительности, недостаточности усиливается за счёт использование поэтом сокращения *тэ.пэ*.

Предложенные информантами существительные *разводов, обещаний* (2) и *разговоров* образуют в тексте ряды слов, обозначающих акты межличностного взаимодействия.

На приведённой далее диаграмме отражена ассоциативная сеть определений для существительного «встречи», представленная как в словаре сочетаемости, так и предложенная информантами (в словаре представлены формы как единственного, так и множественного числа; данные, полученные от информантов представлены в диаграмме именительном падеже, в то время как в оригинальных ответах они согласованы с главным словом

Данные «Словаря сочетаемости слов

русского языка»

«встреч»).

Определения к слову *встреч*, предложенные информантами, можно систематизировать по следующим признакам: 1) по степени запланированности: *неожиданные, случайные (6), нечаянные, спонтанные (2), внезапные*; 2) по степени уникальности: *обычные, особенные*; 3) по характеру протекания: *разные и безумные*; 4) по наличию цели и достижению результата: *пустые, безнадобные, бессмысленные (2)*; 5) по составу участников: *совместные и наши*; 5) по последовательности проведения: *последние*. Никто из информантов не подобрал эпитет, выбранный автором.

Более того, в ассоциативном ряду реципиентов отсутствуют определения, характеризующие встречи по их продолжительности.

Мнения шести информантов относительно эпитета *случайные* совпали. Такая большая частотность ответов, как нам кажется, обуславливается тем, что данное прилагательное является наиболее частотным в сочетании с существительным «встречи». Однако в двух из шести ответов эпитет «случайные» выделен на письме кавычками, и подразумевает противоположенное значение. Таким образом, даже тогда, когда автор использует лексические единицы, зафиксированные в словарях сочетаемости и употребляющиеся обычно в своём прямом значении, словарное и контекстуальное значения слов в отдельно взятом поэтическом тексте далеко не всегда совпадают.

Если до этого информантам предлагалось заполнить пропуски, на месте которых автор использовал узуальную лексику, то следующие два слова, скрытые от участников эксперимента, являлись индивидуально-авторскими новообразованиями.

Рассмотрим процесс условного моделирования акта номинации.

Более высоким мотивационным потенциалом обладает индивидуально-авторское *во...*, так как в данном контексте представлен первый компонент устойчивого словосочетания «вольному воля». Но употребление «полного» слова нарушило бы рифму и ритм стихотворения. Таким образом, общеупотребительное словосочетание «вольному воля», зафиксированное несколько раз в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, должно служить для участников эксперимента подсказкой, а ритмические особенности произведения – стимулом к усечению основы.

В толково-фразеологическом словаре М.И. Михельсона словосочетание «вольному воля», является частью фразеологизма «Вольному воля, спасённому рай» и обозначает возможность человека поступать, как ему хочется.

Хотя мы и не предупреждали информантов заранее, что на месте данного пропуска в оригинальном тексте создано индивидуально-авторское новообразование, двое из информантов не смогли подобрать подходящего, по их мнению, узуального слова и отказались от ответа.

О том, что большинство участников эксперимента так или иначе соотносили свои ответы со словосочетанием «вольному воля» свидетельствует то, что, как и в речевом образце, в 64% ответов информантов стоит существительное в именительном падеже. Ещё в 12% случаев информанты предлагали дополнения в родительном падеже. 16% участников эксперимента предположили, что на месте пропуска должен стоять глагол.

Так как последнее индивидуально-авторское новообразование «во» завершает стихотворение, оно находится в сильной позиции и создаёт особое ощущение от своей необычности. С этой позиции ответы, предложенные информантами, можно разделить на условные группы. К первой группе можно отнести существительные *мир (2), воля (5), (просто) добро, диво, жизнь (2), привет*; вторая группа представлена существительными *тюрьма* и *смерть*; к группе нейтральных слов можно отнести следующие: существительные *сон, броня, путь, воды* и ответ *(нет) причин*.

Таким образом, ответы, предложенные информантами, не просто разнообразны, они включают в себя варианты, находящиеся в отношениях привативной оппозиции: *жизнь – смерть; воля – тюрьма*.

Полный вариант индивидуально-авторского «во» – существительное *воля* – был предложен информантами 5 раз, несмотря на то, что он нарушает заданный ритм стихотворения. В то время как односложные существительные, сохраняющие ритмическое строение произведения, были выбраны 4 информантами.

Для того, чтобы проанализировать, как рифма влияет на выбор лексических единиц в современном поэтическом тексте, следует сначала

рассмотреть ответы информантов, предложенные на месте индивидуально-авторского новообразования *деловó*.

Чтобы определить значение индивидуально-авторского наречия, обратимся к толковому словарю и рассмотрим, какие лексико-семантические варианты даются в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова для прилагательного «деловой», от которого было образовано наречие.

1. Относящийся к общественной, служебной деятельности, к работе. *Деловой разговор.*
2. Знающий дело, толковый, дельный. *Деловой человек.*
3. Пригодный для обработки. *Деловой лес.*

Очевидно, что контекстуальное значение индивидуально авторского слова «*деловó*» приближено к первому лексико-семантическому варианту прилагательного «деловой». Совместное времяпровождение героев не воспринимается как нечто романтическое и нежное, а больше напоминает рабочую встречу,

По мнению Ю.Н. Шаталовой, доля образования индивидуально-авторских наречий крайне невелика [Шаталова 2013: 14]. Поэтому тот факт, что никто из реципиентов не смог верно угадать авторское наречие «*деловó*», является ожидаемым. Тем не менее, наибольшая группа ответов представлена, так же, как и авторский вариант, обстоятельствами (52%), обозначающими: 1) образ действия: *в тишине, тихо, за беседу;* 2) место: *у огня, у камина, на окне, у пруда, (мы) у поля, у реки;* 3) время: *вдоволь, до утра, пять минут, до восхода.*

Ряд ответов информантов предполагает наличие героев описываемых событий: *мы, вдвоём (2), Оля.* Оставшиеся ответы, выраженные глаголами, образуют ряды перечислений. При этом 5 информантов сошлись во мнении, что на месте пропуска должен быть глагол *помолчим (5)*, ещё двое предложили варианты *погрустим* и *примем на грудь.*

Не нарушить ритмическую структуру стихотворения пытались 52% опрошиваемых.

Если рассматривать механизмы выбора лексических единиц для последних двух пропусков в совокупности, то можно выявить интересную закономерность: рифма не является ведущим критерием при выборе слов в современном поэтическом тексте. Лишь у 44% опрошенных рифма сохраняется: *тишине – сне; до утра – просто добра; у огня – броня; за беседу – следую; Оля – воля; помолчим – кричи; помолчим – нет причин; мы у поля – воля; погрустим – простим; примем на грудь – путь; до восхода – воды.*

Таким образом, соблюдение рифмо-ритмической структуры произведения, хоть и является важным элементом поэтического текста, не является для информантов неоспоримым фактором, оказывающим влияние на выбор лексических единиц при создании стихотворения. Данные нашего эксперимента показали, что примерно в половине случаев информанты нарушали рифмо-ритмический строй в пользу других составляющих поэтического произведения. Очевидно, это связано с тем, что они не в полной мере владеют техникой создания поэтического произведения. Одним из главных факторов, влияющих на индивидуально-авторский выбор лексических единиц, выступило субъективное отношение языковой личности к описываемым ею событиям или явлениям.

Выводы по III главе

Интерпретация и обобщение результатов, полученных экспериментальным методом, показали, что механизм выбора слов в процессе создания поэтического текста является вероятностным и связан с различными поисковыми операциями.

Вопреки нашим предположениям, стремление сохранить рифму и ритмическую структуру стихотворения, хоть и является значимым критерием при отборе лексических единиц, тем не менее не является обязательным. Куда большее влияние на выбор слова оказывает окружающий его контекст. Он задаёт грамматическую форму подбираемого слова и в значительной мере предопределяет его синтаксическую роль в предложении.

Логично было бы предположить, что контекст также сужает круг потенциальных слов за счёт ограниченности возможностей лексической сочетаемости отдельно взятого слова. Однако результаты нашего эксперимента показали, что при выборе языковых средств для создания поэтического текста критерий узувальной сочетаемости также не играет важной роли. Все исследуемые авторские варианты и абсолютное большинство вариантов, предложенных информантами, выходят за рамки общепринятой лексической сочетаемости. Это объясняется тем, что для поэтического текста куда важнее стремление к максимальному использованию выразительных возможностей языка, стремление к новизне выражения, к свежему, непривычному, неожиданному словесному образу.

Большая вариативность ответов информантов, лингвокреативная деятельность которых происходит заданном для всех едином контексте, демонстрирует, что большое влияние на выбор слов оказывает субъективное отношение языковой личности к описываемым ею событиям или явлениям. В зависимости от индивидуально-авторской интенции выбор слов может варьироваться от близких по значению до полностью противоположных. Также следует учитывать, что словарное и контекстуальное значения слова не всегда совпадают, особенно в поэтическом тексте.

Успешность определения индивидуально-авторских слов зависит также *от степени их мотивационного потенциала*. Если мотивационный потенциал низкий или ослабленный, это даёт информантам довольно

широкий выбор слов из индивидуального лексикона (ср. слово *деловó*, которое не имеет маркеров в авторском контексте).

В том случае, если мотивационный потенциал более высокий, информант в опоре на имеющиеся в контексте маркеры создает требуемое слово.

Выбор необходимых слов – важная и ответственная задача, направленная на создание поэтического произведения. Учитывая определённую художественную задачу, рифмо-ритмическую организацию произведения и цель на создание яркого художественного образа, поэт либо использует готовую языковую единицу, либо создает новую, отсутствующую в языке, в соответствии с содержанием его мысли.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лингвокреативный потенциал языковой личности в различных дискурсивных условиях (от повседневной коммуникации и художественного текста до политического и медиа-дискурса) в разное время привлекал внимание исследователей. В рамках этих исследований лингвокреативность понимается как особый тип мышления, способный к творческому переосмыслению реальности, созданию новых концептов и их вербализации в новых словах, значениях и текстах. При этом создание нового средства номинации или преобразование уже существующего происходит на базе имеющихся языковых ресурсов за счёт средств, существующих потенциально в системе языка.

Словотворчество располагает огромным потенциалом раскрытия лингвокреативного потенциала языковой личности.

При выборе языковой личностью альтернативных вариантов номинации, происходит неосознанное освоение возможностей, потенциально заложенных в языковой системе, формируются новые понятийные, оценочные и эмоциональные смысловые конфигурации, развивается «языковое чутье» и ассоциативная лабильность, повышается уровень речевой раскованности.

В процессе создания поэтического текста раскрываются все возможности приёмов комбинирования смыслов и создания «лингвистических аномалий». Это создаёт благоприятные условия для создания поэтом индивидуально-авторских слов.

К основным причинам создания поэтами индивидуально-авторских слов следует отнести стремление подобрать слово, максимально достоверно выражающее сложный образ, возникающий в творчестве поэта, желание авторов усилить эмоциональные акценты, избежать тавтологии, добиться

деавтоматизации языкового знака, настроить читателя на языковую игру, создать комический эффект и др.

К современным тенденциям в области поэтического словотворчества исследователи относят следующие: подвижность категории возвратности у глаголов (*умираешься, исчезаешься, дождю*); образование нетрадиционных форм повелительного наклонения (*солюби*); образование новых слов путём присоединения к мотивирующей основе оценочных суффиксов (*самолетина, партизашка*); словообразование путём разнословного сложения (*колюче-холодна, подушка-промятушка*); образование сравнительных степеней и кратких форм относительных прилагательных, числительных и существительных (*понеделен, диванн, ветрей, горей, дровее*); образование существительных от мотивирующих местоименных основ (*бестебье, тебядефицит*); усечение и псевдочленение основы слова (*не лю*); нарушение орфографических норм (*эмчезс, чутьчуть, чорный*).

Для выявления особенностей механизма выбора поэтом слов мы провели проективный эксперимент, в котором информантам предлагалось определить, какие слова с наибольшей вероятностью должен был употребить автор в произведении.

Результаты эксперимента позволили говорить о том, что механизм выбора узуальных слов и создание индивидуально-авторских новообразований в поэтическом тексте являются вероятностными и зависят от многих факторов. Среди основных факторов следует выделить общую соотнесенность с контекстом, стихотворные ритм и рифму, субъективное мироощущение автора, потребность в реализации эстетической функции, а также способность максимально полно реализовать художественный образ. Успешность определения индивидуально-авторских слов во многом зависит от степени их мотивационного потенциала.

Сопоставление авторских вариантов с вариантами информантов позволяют ощутить функционально семантическую нагрузку авторских слов.

Проведённый эксперимент подтверждает, что поиск и выбор подходящего слова - это творческий процесс, обусловленный, с одной стороны, задачами художественного текста, а с другой стороны, креативными способностями номинанта. Не каждый из предложенных участниками эксперимента ответов является удачным и эстетически ориентированным. Существенную роль здесь играют уровень эрудиции, чувство речевой уместности, ритма, рифмы стихотворения. Созданное же мастером художественного слова новообразование свидетельствует об определённых творческих установках на создание индивидуально-авторских новообразований, репрезентирует особую картину мира поэта.

Тем не менее, проводя экспериментальное исследование, мы рассматривали лишь некоторые из словообразовательных моделей, продуктивных в современном русском языке. Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в изучении особенностей создания индивидуально-авторских слов в поэтическом тексте с учётом различного мотивационного потенциала.

Список литературы

1. Аксёнова, О.А. Языковая игра как лингвистический эксперимент поэта (Лексика и грамматика в стихах Александра Левина) [Электронный ресурс] / О.А. Аксёнова Режим доступа: <http://www.levin:rinet.ru/ABOUT/Aksenoval.html>. (дата обращения: 08.05.2019).
2. Аносова, К.М. Когнитивное моделирование актов номинативной деривации (на материале фитонимов русского языка): автореф. дисс. ... канд. филол. наук К.М. Аносова. – Кемерово, 2009. - 24 с.
3. Бабенко, Н.Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ: учебное пособие / Н.Г. Бабенко. – Калининград: Изд-во Калининградского гос. ун-та, 1997. – 84 с.
4. Бакич, Н.А. Специфика медийных новообразований, созданных с системными нарушениями словообразовательного типа / Н.А. Бакич // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. – 2016. – №5. – С. 19-24.
5. Гаджимурадова, Б.Н. Индивидуально-авторские неологизмы в современной поэзии: Словообразовательная и семантико-стилистическая характеристика: дисс. ... канд. филол. наук / Б.Н. Гаджимурадова. – Махачкала, 2003. – 187с.
6. Гермашева, Т.М. Лингвокреативный дискурс: к постановке проблемы / Т.М. Гермашева // Дискурс-Пи. – 2016. – № 3-4 (24-25). – С. 166-172.
7. Голованова, Л.Н., Панкратова, Е.Н. Лингвокреативность как свойство языкового сознания личности / Л.Н Голованова, Е.Н. Панкратова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 3 – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=20288> (дата обращения: 08.05.2019).

8. Гридина, Т.А. К истокам вербальной креативности: творческие эвристики детской речи // Лингвистика креатива-1: коллективная моногр. / под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. – 2-е изд. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2013. – С. 5-58.
9. Гридина, Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество / Т.А. Гридина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 1996. – 214 с.
10. Ежкова, О.А. Словотворчество в русской поэзии и проблемы его описания в лингвистике / О.А. Ежкова // Вестник Северо-восточного государственного университета. – 2007. – № 8. – С. 54-59.
11. Жинкин, Н.И. Механизмы речи. / Н.И. Жинкин. – М.: Изд-во академии пед. наук, 1958. – 378 с.
12. Зайченкова, М.С. Экспериментально-ономасиологическое исследование словообразовательного контекста (на материале современного русского языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / М.С. Зайченкова. – Свердловск, 1988. – 38 с.
13. Залевская, А.А. Некоторые проблемы теории понимания текста/ А.А. Залевская // Вопросы языкознания. – 2002. – № 3. – С. 62-73.
14. Земская, Е.А. Словообразование как деятельность / Е.А. Земская. Изд. 4-е. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 224 с.
15. Зыкова, И.В. Концептосфера культуры и фразеология: Теория и методы лингвокультурологического изучения / И.В. Зыкова – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 380 с.
16. Изотов, В.П. Неузуальные способы словообразования: конспекты лекций к спецкурсу / В.П. Изотов, В.В. Панюшкин. – Орел: Изд-во ОГУ, 1997. – 40 с.
17. Коржнева, Е.А. Экспериментальное исследование структуры текста: монография / Е.А. Коржнева. – Бийск: РИО БПГУ им. В.М. Шукшина, 2008. – 154 с.

18. Костина, Е.В. Авторские новообразования в языке отечественной детской литературы: функциональный и словообразовательный аспекты: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Е.В. Костина. – Орёл, 2007. – 26 с.
19. Левина, В.Н. Лингвистический эксперимент как метод исследования художественного текста / В.Н. Левина // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. – 2010. – №6 (86). – С. 208-212.
20. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю.М. Лотман. – М.: «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
21. Лыков, А.Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово) / А.Г. Лыков. – М.: Высшая школа, 1976. – 120 с.
22. Намитокова, Р.Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект / Отв. ред. И.А. Ширшов. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1986. – 156 с.
23. Намитокова, Р.Ю. Авторские новообразования: структура и функционирование (на материале современной русской поэзии): автореф. ... д-ра филол. наук / Р.Ю. Намитокова. – М., 1989. – 35 с.
24. Никитина, О.А. Лингвокреативность языковой личности и дискурсивные маркеры лексических инноваций / О.А. Никитина // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2014. – №4. – С. 206-221.
25. Пахомова, М.А. Окказиональные слова и словари окказионализмов / М.А. Пахомова // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. – 2013. – №3. С. 79-87.

26. Петров, А.В. Окказионализмы в поэзии Ольги Фокиной / А.В. Петров // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – С. 109-115.
27. Пищальникова, В.А. Проблема смысла поэтического текста. Психолингвистический аспект: автореф. ... д-ра филол. наук / В.А. Пищальникова. – М., 1992. – 30 с.
28. Плотникова, Л.И. Изобразительно-выразительный потенциал индивидуально-авторских слов в поэтическом тексте / Л.И. Плотникова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т.12. – 2019. – Вып. 3. – С. 222-226.
29. Плотникова, Л.И. Новое слово: порождение, функционирование, узуализация: Монография / Л.И. Плотникова. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2000. – 208 с.
30. Плотникова, Л.И. Специфика словотворчества в живой разговорной речи / Л.И. Плотникова // Успехи современной науки и образования. – 2017. – Т.1. – №6. – С. 228-230.
31. Плотникова, Л.И. Словотворчество как феномен языковой личности (порождение, функционирование, узуализация нового слова): автореф. дисс. ... д. филол. наук / Л.И. Плотникова. – Белгород, 2004. – 42 с.
32. Ремчукова, Е.Н. Прагматическая и эстетическая ценность "массового лингвокреатива" / Е.Н. Ремчукова // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. – 2016. – Т.7. – С. 157-168.
33. Сардалова, Л.Р. Лингвокреативность как элемент дискурсивной обусловленности фразеологических единиц / Л.Р. Сардалова // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. – 2018. – №11. – С. 81-86
34. Соковнина, В.В. Лингвокреативность взрослого мира: игры в «социальной сети» / В.В. Соковнина // Уральский филологический

- вестник. Серия: Психоллингвистика в образовании. – 2014. – № 2. – С. 96-100.
35. Стернин, И.А. Значение в языковом сознании: специфика описания / И.А. Стернин // Вопросы психоллингвистики. – 2006. – № 4. – С. 171-179.
36. Тимашова, Ж.Е. Индивидуально-авторские новообразования в поэтической речи символистов (на материале произведений а. Белого и в. Иванова): автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Ж.Е. Тимашова–Белгород, 2011. – 24 с.
37. Трик Х.Е. Основные направления экспериментального измерения творчества// Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Петухова.– М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 400 с.
38. Устинова, Т.В. Когнитивные аспекты ассоциативной теории лингвокреативности: случай читательской рецепции поэтического текста / Т.В. Устинова // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2016. – № 3 (25). – С. 89-98.
39. Устинова, Т.В. Когнитивные аспекты конструирования значения авторских трансформаций лексико-семантической сочетаемости (на примере стихотворения Егора Летова "Все-то мы знаем...") / Т.В. Устинова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2015. – № 175. – С. 62-70.
40. Устинова, Т.В. Языковые девиации поэта как код и сообщение [Электронный ресурс] / Т.В. Устинова // Universum: Филология и искусствоведение: электрон. науч. журн. – 2014. –№ 3 (5). – Режим доступа: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/1123> (дата обращения: 01.04.2019)
41. Фатеева, Н.А. Грамматические инновации в современной поэзии как проявление лингвокреативности / Н.А. Фатеева // Вестник

- Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2018. – №2. – Т.17. – С. 44-52.
42. Фатеева, Н.А. Языковая креативность: подступы к теме / Н.А. Фатеева // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. – 2016. – №7. – С. 13-28.
43. Фещенко, В.В. Язык как творчество и творчество в языке: к истории лингвистической идеи / В.В. Фещенко // Критика и семиотика. – 2012. – №17. – С. 84-94.
44. Халявина, Д.В. Индивидуально-авторские новообразования в функции создания художественного образа как одна из характерных черт идиолекта Василия Каменского / Д.В. Халявина // Молодой ученый. – 2014. – №12. – С. 436-438.
45. Харченко, В.К. Функции метафоры: Учебное пособие / В.К. Харченко. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 96 с.
46. Харченко, Е.В. Лингвокреативность в языковом пространстве города: межкультурный аспект / Е.В. Харченко, Шу Мань // Уральский филологический вестник. Серия: язык. Система. Личность: лингвистика креатива. – 2018. – №2. – С 454-463.
47. Шаталова, Ю.Н. Неузуальные способы создания новых слов в повседневной разговорной речи [Электронный ресурс] /Ю.Н. Шаталова // Молодой ученый. – 2009. – №2. – С. 192-196. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/2/120/> (дата обращения: 20.03.2019).
48. Шаталова, Ю.Н. Словотворчество в повседневной речи: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Ю. Н. Шаталова. – Белгород. – 2013. – 22 с.
49. Шишикина, А.А. Пефиксальные новообразования нестандартной словообразовательной структуры в российских СМИ / А.А. Шишикина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2010. – № 1(11). – С. 66-72.

50. Шмелева, Е. Я. Интернет-коммуникация: новые тенденции в русском словообразовании/ Е.Я. Шмелева // Верхневолжский филологический вестник – 2015 – № 2. – С. 46-52.
51. Щербакова, Е.Е. Феномен «лингвистическая креативность» в современной психологопедагогической науке / Е. Е. Щербакова, Е. В. Левичева // Вестник НГТУ. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». – 2012. – №4. – С. 93-101.
52. Щуклина, Т. Ю. Словотворчество как реализация лингвокреативного потенциала детей / Т. Ю. Щуклина // Филология и культура. – 2011. – № 2(24). – С. 116-120.

Список использованных словарей

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс] / В. Даль. – Вологда : ВОУНБ, 2012. – Режим доступа: <http://www.booksite.ru/fulltext/dal/dall/index.htm> (дата обращения: 08.05.2019).
2. Михельсон, М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т.Т. 1-2. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов. [Электронный ресурс] / М.И. Михельсон. – СПб.: тип. Ак. наук., 1896-1912. – Режим доступа: <https://rus-michelson-tolk-dict.slovaronline.com/1425-вольному%20воля,%20спасенному%20рай> (дата обращения: 08.05.2019).
3. Мюллер В.К. Англо-русский. Русско-английский словарь. 250000 слов / В.К. Мюллер. – Москва: АСТ, 2015. – 1184 с.
4. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов / С.И. Ожегов; Под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и образование», 2005. – 1200 с.
5. Словарь русского языка: В 4-х т. [Электронный ресурс] / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/14/ma243644.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 20.03.2019).
6. Словарь сочетаемости слов русского языка: Ок. 2500 словар. статей / Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина; под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. – 2-е изд, испр. и доп. – М.: Русский язык, 1983. – 688 с.

Источники фактического материала

1. Азарова, Н. Заснуть – забыть в себя тяжёлую таблетку лёгких [Электронный ресурс] / Н. Азарова // Воздух. – 2010. – №4. – Режим доступа: http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2010-4/azarova/view_print/ (дата обращения: 20.03.2019).
2. Азарова, Н. Перед судом непогодово [Электронный ресурс] / Н. Азарова // Воздух. – 2016. – №3-4. – Режим доступа: http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2016-3-4/azarova/view_print/ (дата обращения: 20.03.2019).
3. Амелин, М. Случайная музыка [Электронный ресурс] / М. Амелин // Знамя. – 2010. – №10. – Режим доступа: <http://znamlit.ru/publication.php?id=5048> (дата обращения: 20.03.2019).
4. Андрукович, П. Меньше на один голос [Электронный ресурс] / П. Андрукович. – М.: АРГО-РИСК; Тверь: Kolonna, 2004. – Режим доступа: <http://www.vavilon.ru/texts/andrukovich1-1.html> (дата обращения: 20.03.2019).
5. Воскобойникова, А. Говорит... / А. Воскобойникова // Созвездие БелГУ: альманах университетского творчества / под ред. В.А. Смирновой. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2018. – 74 с.
6. Еременко, А. Колю дрова... [Электронный ресурс] / А. Еременко. – Режим доступа: <https://litresp.ru/chitat/ru/E/eremenko-aleksandr/gorizontalnaya-strana-stihotvoreniya/16> (дата обращения: 20.03.2019).
7. Кинаш, А. Идеалисты / А. Кинаш // Созвездие БелГУ: альманах университетского творчества / под ред. В.А. Смирновой. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. – 84 с.

8. Кобыляцкий Д. Рождество / Д. Кобыляцкий // Созвездие БелГУ: альманах университетского творчества / под ред. В.А Смирновой. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2018. – 74 с.
9. Кныш, О. Надо сделать паузу. Собраться... / О. Кныш // Созвездие БелГУ: альманах университетского творчества / под ред. В.А Смирновой. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2018. – 74 с.
10. Мишин. А. Воробей и кот [Электронный ресурс] / А. Мишин. – Режим доступа: <https://www.stihi.ru/2014/01/08/5894> (дата обращения: 20.03.2019).
11. Мишин. А. Снежинка [Электронный ресурс] / А. Мишин. – Режим доступа: <https://www.stihi.ru/2014/01/02/3211> (дата обращения: 20.03.2019).
12. Пащенко, О. Advent [Электронный ресурс]/ О. Пащенко // Воздух. – 2017. – №1. – Режим доступа: http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2017-1/pashchenko/view_print/ (дата обращения: 20.03.2019).
13. Подлесный С. Моя соль земли. Дай приложу тебя к своим ранам... / С. Подлесный // Созвездие БелГУ: альманах университетского творчества / под ред. В.А Смирновой. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. – 84 с.
14. Полозкова, В. И катись бутылкой по автостраде... / В. Полозкова. – Режим доступа: <https://rustih.ru/vera-polozkova-i-katis-butylkoj-po-avtostrade/> (дата обращения: 20.03.2019).
15. Полозкова, В. Я твой щен: я скулю, я тычусь в плечо незряче... [Электронный ресурс] / В. Полозкова // Непознание. – Режим доступа: <https://books.google.ru/books?id=u6BwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 20.03.2019).
16. Степанова, М. Какие карты – о тебе в пасьянец? [Электронный ресурс] / М. Степанова // Знамя. – 2000. – №6. – Режим доступа:

- <http://magazines.russ.ru/znamia/2000/6/stepan.html> (дата обращения: 20.03.2019).
17. Фокина, О.А. «Ау!» – у рта ладошеньки... [Электронный ресурс] / О.А. Фокина. – Режим доступа: <https://www.booksite.ru/fulltext/fok/ina/izb/ran/noe/5.htm> (дата обращения: 20.03.2019).
18. Фокина, О.А. В моем чулане с окнами на запад [Электронный ресурс] / О.А. Фокина. – Режим доступа: <https://www.booksite.ru/fulltext/fok/ina/izb/ran/noe/7.htm> (дата обращения: 20.03.2019).
19. Фокина, О.А. Ёлка, срубленное дерево... [Электронный ресурс] / О.А. Фокина. – Режим доступа: <https://www.booksite.ru/fulltext/fok/ina/izb/ran/noe/2/11.htm> (дата обращения: 20.03.2019).
20. Фокина, О.А. Кто на Тарногу? [Электронный ресурс] / О.А. Фокина. – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/fok/ina/izb/ran/noe/2.htm> (дата обращения: 20.03.2019).
21. Фокина, О.А. Не знаю, что тебе писать... [Электронный ресурс] / О.А. Фокина. – Режим доступа: <https://www.booksite.ru/fulltext/fok/ina/izb/ran/noe/1.htm> (дата обращения: 20.03.2019).
22. Фокина, О.А. Об одном походе [Электронный ресурс] / О.А. Фокина. – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/fok/ina/izb/ran/noe/2/2.htm> (дата обращения: 20.03.2019).
23. Черешня, В. Живёшь, живёшь, и обжигаяешься... [Электронный ресурс] / В. Черешня // Литературно-художественный журнал «ЭТАЖИ» – Режим доступа: <https://etazhi-lit.ru/publishing/poetry/850-sobaka-toskuet-v-tramvae.html> (дата обращения: 20.03.2019).

24. Шварц, Е. Два аспекта / Е. Шварц // Сочинения Елены Шварц: Т. I – СПб.: Пушкинский фонд, 2002. – Т. I. – С. 107.
25. Шварц, Е. Мартовские мертвецы [Электронный ресурс] / Е. Шварц // лощия ночи – СПб.: Советский писатель, 1993. Режим доступа: <http://www.vavilon.ru/texts/shvarts5-3.html> (дата обращения: 20.03.2019).
26. Яснова, Л. Кофе по-московски // Созвездие БелГУ: альманах университетского творчества / под ред. В.А Смирновой. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. – 84 с.
27. Яснова, Л. Детерминизм гендера, или исповедь лирической героини. Опыт стихотерапии. / Л. Яснова. – Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2011. – 295 с.